

В.Н. Рябцев

Ядерная программа Ирана и Запад

Аннотация. Статья охватывает круг вопросов, связанных с кризисом вокруг Ирана и его ядерной программы. Автор подробно анализирует феномен «шестерки» великих держав и рассматривает вопрос о том, можно ли в принципе решить этот кризис методами обычной дипломатии. Особое внимание он уделяет геополитической подоплеке современного иранского кризиса и его основным чертам. Автор подробно освещает варианты исхода данного кризиса.

Abstract. The article explores the range of issues connected with the Iranian crisis and its nuclear program. The author gives the detailed analysis of the phenomenon of the great «six» powers, investigates the possibility of resolving the crisis, using methods of conventional diplomacy. Special attention is given to the geopolitical dimension of the present Iranian crisis and its main features. The author focuses on the possible outcomes of this crisis.

Ключевые слова: современный иранский кризис, США, Европа, Израиль, Иран, ядерная программа Ирана, Китай, кризисное регулирование.

Keywords: contemporary Iranian crisis, USA, Europe, Israel, Iran, Iran's nuclear program, China, crisis regulation.

Бесспорно, предотвращение распространения ядерного оружия (ЯО), а именно в этом – главный упрек Запада в отношении иранских властей, было и продолжает оставаться одним из важнейших вопросов мировой политики. В повестке дня ООН, на-

пример, этот пункт фигурирует под № 7 в общем перечне 60 наиболее важных целей мирового развития [см.: 60 Ways the United Nations...]. И это действительно важная задача, которую призвано решать мировое сообщество. Но идет ли речь об этом же (или только об этом) применительно к нынешней ситуации вокруг Ирана? Невольно складывается впечатление, что корень противоречий между Западом и Тегераном не в самой по себе ядерной программе, развиваемой наследниками дела Хомейни, а в чем-то другом, более важном. Но это, как говорится, с одной стороны. С другой стороны, налицо ситуация напряженности вокруг Ирана и его ядерной программы (ЯП), создающая серьезную дополнительную конфликтность, помимо той *перманентной*, что давно уже существует на пространстве «Великого Пятиморья» с иррадиирующими «волнами» на север – в Черноморско-Каспийский регион и на восток – в «Новую Центральную Азию». Добавим к этому (в качестве нового контекста) череду «арабских революций» и политических беспорядков от Туниса до Бахрейна и от Сирии до Йемена, которые многих политиков и экспертов поставили перед непростым вопросом: что это за новый феномен и куда все это вообще движется? Но тема иранского «ядерного досье» в этих условиях не отошла на второй план. Ее «рейтинг» в числе наиболее обсуждаемых сюжетов мировой политики как был, так и продолжает оставаться высоким. Более того, он даже несколько вырос в цене.

Говоря о *современном* иранском кризисе (СИК), мы видим его истоки в событиях 11 сентября 2001 г., когда Тегеран был обвинен США и – шире – Западом во всех смертных грехах: в пособничестве международным террористам, экспорте религиозного экстремизма и т.д. и т.п., – после чего последовало его причисление к «оси зла» (январь 2002 г.). Но начало этого кризиса мы связываем все же с вторжением США в Ирак в 2003 г. и размещением их военной инфраструктуры в непосредственной близости от границ Ирана, что мотивировалось не только стремлением ликвидировать одиозный режим С. Хусейна, но и преподать урок Тегерану за его строптивость, растущие ядерные амбиции и независимую внешнюю политику на мировой арене. Что интересно при этом: американцы сразу же создали вокруг Ирана зону напряжения. Эскалация напряженности наблюдалась весь первый период кризиса: с 2003 по 2007 г. Весной 2007 г., например, все ожидали быстрой и жесткой развязки

иранской «головоломки», т.е. силовой операции против Ирана со стороны США или тандема «США – Израиль». Но затем наступило некоторое затишье – весь 2008 г. и даже первая половина 2009 г. прошли сравнительно спокойно. В известном смысле началась даже некоторая деэскалация СИК. Казалось даже, что США и Иран начнут переговорный процесс, вот-вот договорятся. Но с середины 2009 г. началось новое обострение ситуации. 2010 год также ознаменовался резкой актуализацией «дебатов по Ирану». Начало новой фазе напряженности вокруг Ирана было положено заявлением официального Тегерана в феврале 2010 г. о новом продвижении в развитии своей ЯП – намерении обогащать уран до 20% и планах строительства десяти новых заводов по обогащению урана. Но 2011 г. побил, пожалуй, все «рекорды». Негативная динамика СИК еще более усилилась.

Здесь в первую очередь следует указать на подготовку начиная с середины года и обнародование в ноябре нового доклада Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) по иранской ЯП, с которым выступил генеральный секретарь этой организации Ю. Амано [см.: Implementation of the NPT Safeguards., 2011]. Доклад, лейтмотив которого был однозначен: «Иран пытается создать ядерное оружие!» – вызвал неоднозначные и даже популярные оценки политиков и экспертов, буквально взорвал мировое общественное мнение, которое и без того было наэлектризовано заявлением президента Израиля Ш. Переса о бесперспективности дипломатических усилий на иранской «площадке» и о большой вероятности нападения Израиля на эту страну, сделанным за три дня до публикации доклада. Россия выступила категорически против содержащихся в докладе Ю. Амано аргументов, тем самым подвергнув сомнению надежность источников информации, которыми пользовалась его группа. Москва оценила доклад как «предвзятый» и «непрофессиональный», назвала «компиляцией хорошо известных фактов, преподанных с явной политической мотивацией и под явным давлением США» [Россия осудила доклад., 2011]. Такой же негативной, хотя и более сдержанной, была позиция Пекина. При этом и Москва, и Пекин однозначно выступили против введения новых санкций со стороны ООН.

Но в двадцатых числах ноября 2011 г. США, Великобритания и Канада все-таки объявили о введении дополнительных санкций

против Ирана. При этом госсекретарь США Х. Клинтон назвала эти меры, которые предполагают санкции против химической промышленности Ирана, а также нефтяного и газового сектора этой страны, необходимой «эскалацией давления» на Тегеран в ситуации, когда последний не желает вести переговоры по существу. Лондон объявил о разрыве всех контактов и операций кредитных институтов Соединенного Королевства с иранскими банками, а Оттава запретила канадским компаниям нефтегазового сектора экспорт своей продукции и технологий в Иран. Более того, вскоре после этих жестких заявлений и действий имело место нечто новое в условиях СИК – «война посольств» Великобритании и Ирана (соответственно, в Тегеране и Лондоне). Отметим также, что не осталась в стороне и Франция, призвавшая принять «беспрецедентные по своему масштабу санкции» против Тегерана, а именно: заморозить все активы иранского Центробанка и прекратить покупать иранскую нефть, продажа которой составляет главную статью доходов этой страны. В первой декаде декабря на своем двухдневном саммите в Брюсселе лидеры 27 государств ЕС обсудили предложенные Францией санкции в отношении Ирана и приняли решение завершить работу по формированию нового пакета санкций против Тегерана в январе 2012 г.

Реакция самого Тегерана на все эти действия Запада была, как всегда, спокойной и взвешенной (ведь все это делается уже не первый раз!). Устами своих официальных представителей он заявил: «Эти санкции не принесут никакого результата». И у Тегерана есть на то основания. Во-первых, за последние годы он практически полностью свернул свои торгово-экономические связи с США и Великобританией, развивая в то же время отношения с другими странами (и при этом внешнеторговый оборот этой страны вырос на 36%). Во-вторых, даже если его нефть и не будут покупать европейские компании, то у него в запасе есть восточное направление. Ведь в настоящее время основными покупателями иранской нефти выступают Япония, Китай, Индия и Южная Корея. Поэтому Тегеран проявляет чудеса выдержки и хладнокровия. Устами своих мидовских функционеров он заявляет: «Новые санкции не будут иметь сколько-нибудь значимого эффекта». «Их объявление председует не столько экономические, сколько пропагандистские цели в рамках проводимой против Ирана психологической войны...»

[Против Ирана введены.., 2011; Нугейред Н., 2011; США расширили санкции.., 2011].

Все это и ряд других моментов делают очередной «замер ситуации» вокруг Ирана и его ЯП весьма актуальным, об этом и пойдет речь в данной работе. Автор сосредоточился на вопросе о том, что можно и нужно делать в условиях усиливающейся конфронтации Запада с Ираном.

Используя термин «Запад», мы вкладываем в него хантингтоновское понимание [Хантингтон С., 2003, с. 58–59], но с небольшим уточнением. Для нас это прежде всего США и их неизменный союзник – Великобритания, которая, будучи членом ЕС, тем не менее все эти годы является евроскептиком и которая периодически наносит Объединенной Европе чувствительные удары типа того, что она сделала в начале декабря 2011 г., когда фактически сорвала планы Брюсселя по спасению зоны евро. Запад для нас, естественно, это и *остальная Европа*, увы, не имеющая сегодня в мировом раскладе сил своего геополитического лица и едва ли не во всем подыгравшая США. Те времена, когда Европа могла бы стать *реальным центром силы глобального уровня*, увы, прошли. Мы имеем в виду ситуацию с агрессией США против Ирака в марте 2003 г., когда у лидеров континентальной Европы была уникальная возможность освободиться от американской опеки и начать самостоятельно определять свое развитие. Но, как тонко заметил по этому поводу известный российский экономист М. Делягин, «связанная с этим ответственность смертельно напугала тогдашние европейские элиты, отвыкшие от нее, и их паническое возвращение под комфортный контроль “старшего брата” (которого можно всласть порицать и винить во всех смертных грехах, включая свои собственные ошибки) стало сутью “трансатлантического ренессанса”» [Делягин М., 2011]. Но к Западу мы также относим Израиль, который играет очень важную роль в кризисе вокруг Ирана и его ЯП¹. В его лице мы имеем едва ли не самое сильное в экономическом и воен-

---

¹ Отличительной манерой поведения этой страны в условиях кризиса является постоянное и сильное давление на Вашингтон с требованием введения против иранцев ни много ни мало «парализующих», или, как их еще иногда называют в Тель-Авиве, «травмирующих» санкций. И это на фоне того, что Вашингтон сам постоянно использует санкционное оружие против Тегерана.

ном отношении государство западного мира (своего рода «левантинское вкрапление Европы», по выражению Е. Сатановского), территориально присутствующее на Ближнем Востоке. Не будем также забывать, что жесткое и давнее противостояние именно Ирана и Израиля, их неприкрытая конфронтация как сильных и амбициозных акторов регионального уровня во многом обуславливает внутреннюю тектонику «Великого Пятигорья», является тем фактором, который определяет сегодня геополитическое лицо Ближнего и Среднего Востока в мировом раскладе сил.

Иначе говоря, нас интересует вопрос *урегулирования кризисной ситуации* вокруг Ирана, наличные (и потенциально новые) механизмы и способы воздействия на нее. И здесь важна как полная и точная ревизия дел в данной области, так и взвешенный и аргументированный прогностический анализ, взгляд на перспективы распутывания современной персидской «головоломки». «Рамкой» при этом является международная безопасность и – как ее частный, но существенный момент – стратегическая стабильность в мире, поскольку ясно, что нынешняя ситуация вокруг Ирана лишний раз ставит под вопрос незыблемость режима, созданного некогда ДНЯО.

Исходя из вышесказанного, мы ставим перед собой задачу рассмотреть пять основных вопросов.

1. Как выглядит кризис вокруг Ирана и его ЯП, если взять его внешний (видимый глазу) план?

2. Что представляет собой «шестерка» великих держав и можно ли ее считать механизмом международного посредничества в урегулировании СИК?

3. Можно ли в принципе развязать такой «узел противоречий», как иранский, методами обычной дипломатии?

4. В чем все-таки видится геополитическая подоплека СИК и каковы его основные черты?

5. От чего в конечном счете будет зависеть дальнейшее развитие событий и какие варианты исхода СИК при этом вообще просматриваются?

Для удобства читателя мы разбили свой текст на пять смысловых блоков, обозначив их соответствующими цифрами.

1. Наличие ЯО у соседних государств, прежде всего у Израиля, кризис режима его нераспространения, агрессивная политика

США на Ближнем и Среднем Востоке, полномасштабные боевые действия американцев в Ираке и Афганистане, заметная активность США и НАТО на Южном Кавказе и многое другое заставили иранское руководство сделать однозначный вывод: единственным надежным средством защитить свой национальный суверенитет является обладание ЯО [см.: Примаков Е.М., 2006, с. 360–364]. И надо сказать, что по этому вопросу в Иране существует консенсус практически между всеми сегментами политической элиты, между политической элитой и духовными лидерами этой страны. Излишне жесткая, с постоянными обвинениями Тегерана во всех смертных грехах позиция США только еще больше консолидирует политический класс современного Ирана. В этой связи известный российский ученый-востоковед А.В. Малашенко подчеркивает: «В самом Иране развитие ядерного потенциала (мирного или могущего быть использованным в военной сфере) – “священная корова”, и эта идея не ставится под сомнение никем, включая местных либералов. Здесь Иран можно сопоставить с Россией, для которой ядерный потенциал является гарантом ее geopolитического влияния. Без раздражающей мир перспективы создания ядерного оружия Иран будет низведен до уровня заурядной нефтедобывающей страны» [Малашенко А.В., 2006, с. 113].

Вот почему власти этой страны абсолютно не намерены отказываться от работ по всему ядерному циклу, включая обогащение урана. Они резонно задаются вопросом: если этим занимаются чуть ли не 60 стран мира, то почему в угоду Вашингтону и – шире – Западу мы должны прекратить свои работы в этой области? Это звучит тем более убедительно, если учесть, что Иран продемонстрировал способность вполне самостоятельно осуществить все этапы этого сложнейшего цикла. Официально Тегеран декларирует чисто мирный характер своих ядерных исследований и разработок и настаивает, что он избрал одобренную всем иранским народом стратегию развития атомного комплекса, далекую от военных целей. Мотивация при этом у Тегерана вполне определенная: в современных условиях *разивать атомную энергетику необходимо в принципе*, поскольку (по некоторым иранским прогнозам) через 20–30 лет запасы нефти и газа в стране закончатся, а население к этому времени достигнет 100 млн.! Именно по этой причине, а также учитывая отсутствие возможностей для наращивания мощностей

гидроэнергетики и увеличения добычи угля, иранское руководство в свое время и сделало ставку на развитие атомной энергетики.

Развернутое обоснование необходимости ее развития было представлено вице-президентом ИРИ Реза Агазаде в документе «Ядерная политика Ирана», датированном мае 2003 г. В нем, в частности, говорилось: «Иран рассматривает приобретение, разработку и применение ядерных вооружений как антигуманные, аморальные, незаконные действия, противоречащие самим принципам человечности. Им нет места в оборонительной доктрине Ирана. Они ничего не прибавляют к безопасности Ирана и не помогают избавиться от ОМУ на Ближнем Востоке, а именно это соответствует высшим интересам Ирана» [Iran's nuclear policy., 2003, p. 56]. Стоит также добавить, что, исходя из этих соображений, руководство страны выступало и выступает в поддержку развития безъядерных зон. Применительно к региону Ближнего и Среднего Востока соответствующая инициатива была выдвинута Ираном еще в 1974 г. Он также поддержал проект соглашения о зоне, свободной от ЯО, в Центральной Азии, выдвинутый в сентябре 2002 г. в Самарканде представителями Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Туркменистана и Таджикистана [см.: Ахтамзян И.А., 2005, с. 275].

Однако многие государства сомневаются в мирных намерениях Ирана, считая, что значительную часть своей ЯП Иран ведет втайне. И надо сказать, что эти подозрения небеспочвенны. Здесь во вред Ирану пошло то, что до 2003 г. он как бы вообще не считал нужным информировать МАГАТЭ о подлинных масштабах своей ядерной деятельности, а обнаружение еще раньше *незаявленной* ядерной деятельности породило сомнение в искренности его намерений развивать ЯП в мирных целях¹. Приход к власти во второй

---

¹ Речь идет прежде всего о комплексе по обогащению природного урана в Натанзе, который строился без малого 20 лет втайне от МАГАТЭ и был почти случайно обнаружен в 2002 г. Еще один подозрительный объект – завод по производству тяжелой воды в Араке и атомный реактор на тяжелой воде, использующий в качестве топлива природный уран и способный вырабатывать повышенное количество плутония в облученном ядерном цикле. Оба эти факта стали достоянием гласности благодаря «бдительности» оппозиционного Совета национального сопротивления – организации, базировавшейся в соседнем Ираке. Визит инспекторов МАГАТЭ на указанные объекты в феврале 2003 г. подтвердил, что Иран продвинулся значительно дальше в развитии атомной энергетики, чем это считалось прежде [см.: Хлопков А., 2007, с. 50].

половине 2005 – начале 2006 г. консервативных сил во главе с М. Ахмадинежадом только укрепил это сомнение, поскольку официальный Тегеран взял курс на возобновление работ по обогащению урана и, более того, прекратил осуществлять положения Дополнительного протокола МАГАТЭ.

Отсюда и кризис доверия в отношениях между Ираном и международным сообществом. Его озабоченность по поводу ЯП Ирана более всего диктуется опасением, что эта страна рано или поздно пойдет по пути Северной Кореи – решит официально выйти из режима ДНЯО, разорвет соглашения с МАГАТЭ и создаст-таки свое ЯО. В этой связи известный специалист по проблемам международной безопасности А.Г. Арбатов отмечает: «Обретение Ираном ядерного оружия вслед за КНДР нанесло бы еще один, может быть, фатальный удар по Договору и по режиму ядерного нераспространения в целом со всеми вытекающими поистине катастрофическими последствиями» [Арбатов А.Г. Введение., 2007, с. 13].

Отдельные западные эксперты полагают, что на территории этой страны существует пусть и недостаточно мощный, но вполне дееспособный реактор, который может производить оружейный плутоний. Соответствующие подозрения появились еще летом 2002 г., когда в прессу просочилась информация о фактах строительства в Иране объектов, относящихся к чувствительным fazam ядерного топливного цикла (ЯТЦ). Оценки алармистски мыслящих военных аналитиков вообще тревожат. Они считают, что создание иранского ядерного оружия – дело ближайшего будущего (ему, дескать, для этого от силы понадобится 5–7 лет!). Другие эксперты, правда, высказывают большие сомнения относительно такого рода перспектив [см.: Сафранчук И., 1998; Хлопков А.В., 2001; Задонский С.М., 2002; Фельгенгауэр П., 2006, с. 9]. Самых же разработчиков иранской ЯП волнует другая проблема – нехватка необходимого сырья. В этом главная проблема иранцев, поскольку своего урана у них практически нет. Поэтому Тегеран возлагает надежды на Москву, хотя ищут уран иранские эмиссары по всему свету (даже в Нигере и Намибии). Как бы к этому ни относиться, но это официальная позиция нынешних властей в Тегеране. И она свидетельствует о том, что Иран хочет всячески закрепить свое влияние на Ближнем и Среднем Востоке, стремится упрочить свои позиции в этом стратегически важном регионе мира. И помогает ему в этом

национальная ЯП, которая прошла в своем развитии достаточно долгий путь и которая в последнее время явно интенсифицируется.

То, что мы сегодня наблюдаем во взаимоотношениях великих ядерных держав, мало напоминает былую стратегическую стабильность. Иначе как глобальным кризисом это не назовешь. Буквально трещит по швам режим нераспространения ЯО, под которым понимается совокупность международных договоренностей и организаций с участием как ядерных, так и неядерных государств, а также национальных законодательств стран-участниц, целью которых является предотвращение ситуации, когда ядерный статус приобрели бы те из них, которые не имели его к 1967 г. [см.: Лебедева М.М., 2006, с. 191]. Ядром же его, как известно, является самый масштабный из всех многосторонних международных договоров по разоружению – ДНЯО, подписанный в 1968 г. (в него сразу же вошел Иран) и вступивший в силу в 1970 г. (тогда к этому договору присоединились 187 стран). На сегодняшний день именно ДНЯО является краеугольным камнем глобального режима нераспространения и существенной основой для достижения ядерного разоружения [см.: Основные факты.., 2005, с. 163–164]. Функцию же мировой инспекции по вопросам ядерных гарантий и мониторинга программ использования ядерной энергии в мирных целях обеспечивает МАГАТЭ. В этом смысле его гарантии по ДНЯО являются составной частью международного режима нераспространения и неотъемлемым элементом в обеспечении выполнения самого договора.

Сегодня эти фундаментальные институции, призванные обеспечивать стратегическую стабильность, явно пошатнулись, следствием чего является нарастание элементов хаотизации в системе международных отношений. И в самом деле: практически всеми сильными мира сего, причем молчаливо, в качестве ядерной державы признан Израиль¹; давно уже имея такое оружие и по-

---

¹ Наличие у Израиля ЯО стало общепризнанным фактом после широко известной и достаточно скандальной истории с израильским физиком М. Вануну. Однако официальный Тель-Авив этот факт ни подтверждает, ни опровергает. Такое поведение вполне объяснимо: во-первых, многозначительное молчание позволяет держать в напряжении и страхе вероятных противников, во-вторых, это не вызывает особых нареканий со стороны международного сообщества.

прежнему оставаясь вне ДНЯО, время от времени «поигрывают мускулами» Индия и Пакистан; международное сообщество всерьез обсуждает возможность попадания ядерной бомбы в руки разного рода террористов; оно все еще не может отойти от того шока, которое испытalo осенью 2006 г., когда Пхеньян провел подземное испытание ЯО (заявил же он о своем ядерном статусе еще раньше – в начале 2005 г.). Одним словом, хотя гонка вооружений периода «холодной войны» и закончилась, но развитие ядерных потенциалов ряда держав продолжается.

В этой связи увеличиваются опасения многих государств по поводу того, что Иран стремительно приближается к созданию своего ЯО, хотя (повторимся) руководство этой страны официально не декларирует такой цели. Однако подспудно официальный Тегеран дает понять: если по меньшей мере 20 стран мира, добрая половина которых находится на Ближнем и Среднем Востоке и в Южной Азии, или уже имеют оружие ОМУ, или имеют возможность для его создания, а также соответствующих средств доставки, то чем же мы хуже? Почему мы не можем таким образом повысить свою национальную мощь и, как результат, повысить свой статус в мировой табели о рангах? Действительно, вопросы резонные.

Как бы там ни было на самом деле, но за действиями Ирана внимательно, иногда с тревогой следят все государства (особенно соседние), которых не может радовать появление рядом с ними такого сильного и непредсказуемого игрока. И в то же время в ситуации с иранским ядерным досье сталкиваешься с чем-то, подобным эффекту заразительности. Как отмечает специалист из Института востоковедения РАН В. Сотников, может сложиться такая ситуация, когда прогресс Ирана на пути создания мощного ядерного потенциала подтолкнет арабские государства Ближнего и Среднего Вос-

---

щества и, в-третьих, заявить об обладании ядерным оружием означает получить жесткий ответ со стороны США. Последнее особенно важно для Израиля. Ведь при подобном варианте развития событий Вашингтон будет вынужден действовать против Израиля, ибо, согласно американскому законодательству, на страну, которая заявляет об обладании ЯО, автоматически распространяются жесткие экономические санкции. Интересные суждения о явной и тайной стороне разработки Израилем своего ЯО приводит академик Е.М. Примаков [см.: Примаков Е.М., 2006, с. 340–349].

тока к развертыванию работ по созданию собственного ядерного потенциала, делая это под прикрытием мирного использования атома [см.: Сотников В., 2007, с. 30–31]. Судя по тем заявлениям о готовности быстрыми темпами развивать свою атомную программу и желании ввести в строй 16 реакторов чуть ли не к 2030 г., которые в последнее время делает Эр-Рияд¹, это уже происходит. Причем что характерно: синдром страха, посейянный аварией на японской АЭС «Фукусима», который посетил и отрезвил многих в Европе и США [см.: Острецов И., 2011], Ближний и Средний Восток как бы вообще миновал. В итоге мы можем оказаться в ситуации, когда с целью того, чтобы любой ценой справиться с иранской ядерной угрозой, арабские (суннитские) государства региона могут обратиться к единственному суннитскому государству, имеющему ЯО, – Пакистану и тогда «Большой Ближний Восток» будет охвачен гонкой ядерных вооружений, которая еще больше подорвет международный режим нераспространения. Увы, такой вариант развития событий исключить нельзя.

Со стороны США все шаги Тегерана в ядерной области и, что много важнее, стремительное возвышение Ирана в качестве крупного регионального игрока вызывают самое настоящее раздражение. Не стесняясь в выражениях, официальный Вашингтон открыто высказывает свое недовольство. Вот что заявил, например, выступая в феврале 2006 г. перед членами очень влиятельной в США организации «Американский легион» президент Дж. Буш-мл. Ратуя за демократические перемены в Иране и делая при этом ставку на определенные круги политической оппозиции, он открыто поставил в вину иранскому руководству (наряду с поощрением и финансированием международного терроризма) стремление уничтожить израильское государство, для чего-де Ирану и нужно обладание ЯО. Но главу американского государства беспокоило также

---

¹ О своих ядерных амбициях Эр-Рияд заявил еще в 2009 г. При этом любопытно, что атомная программа короля Абдаллы является составной частью его грандиозного плана по созданию «городов будущего» – поселений с атомными и возобновляемыми источниками энергии. Этот план власти Саудовской Аравии были намерены развивать при помощи извне. И она вскоре пришла. Уже в июне 2010 г. европейские специалисты помогли королю определить «стратегию высокого уровня» в области ядерных и возобновляемых источников энергии [Саудовская Аравия создаст..., 2011].

и то обстоятельство, что «Иран активно работает над тем, чтобы расширить свое влияние в регионе» [President addresses American Legion., 2006]. Становится понятно, что Иран сегодня – это явный конкурент США на Ближнем и Среднем Востоке.

Обострение и без того непростых отношений США и Ирана началось после событий 11 сентября 2001 г., когда на Тегеран посыпались обвинения в поддержке им террористов, покровительстве им в их борьбе с Израилем и прозападными режимами в арабских странах, в экспорте религиозного экстремизма и т.д. В известном послании Дж. Буша в январе 2002 г. Иран был объявлен одним из трех членов так называемой оси зла. После вторжения в Ирак в 2003 г. в среде экспертов и наблюдателей ближневосточного процесса стала муссироваться мысль о том, что следующей мишенью Вашингтона станет Иран и что «умиротворение» Ирака по-американски и создание здесь прецедента демократии на западный манер – это вообще-то прелюдия к силовому воздействию на Иран. Будучи озабоченным при этом «благородным» желанием сохранить режим нераспространения ядерного оружия, Вашингтон всячески стремится изолировать Иран, оказывает беспрецедентное давление на него с требованием незамедлительного прекращения работ по обогащению урана, используя для этого как свои собственные возможности, так и возможности международных структур – МАГАТЭ, СБ ООН. Но в то же время (конкретно говоря, в 2006 г.) он заключает широкомасштабное соглашение о ядерном сотрудничестве со стоящей вне ДНЯО Индией. Вообще в своем «неприятии» Ирана официальный Вашингтон доходит порой до абсурда. Чего стоит, например, прозвучавшее однажды из Белого дома заявление о том, что США не исключают возможности серии бомбовых ударов по территории этой страны с применением тактического ЯО, что, как уверяют американские эксперты, позволит уничтожить находящиеся под землей ядерные объекты! Какова бы ни была мотивировка такого рода суждений и намерений руководителей США, их политический цинизм очевиден [см.: Hersh S.M., 2006]. Интересно, как отнеслись бы США к тому, что кто-то всерьез обсуждал вопрос о возможности и целесообразности нанесения бомбовых ударов по объектам ядерной инфраструктуры Израиля (скажем, по исследовательскому центру и реактору в Димоне)?

Едва ли такие «решительные» действия Вашингтона и его западных партнеров повлияют на Тегеран, тем более что он не намерен больше идти по пути компромиссов, чрезмерных уступок мировому сообществу (СБ ООН, МАГАТЭ и т.д.), как это было, например, в конце 2001 и середине 2002 г. Он просто еще больше заинтересует свою ЯП, народ же еще теснее сплотится вокруг правящего режима во главе со своим харизматическим лидером. Ведь любому серьезному аналитику или человеку, более или менее разбирающемуся в хитросплетениях американо-иранских отношений, понятно, что *так* разговаривать со страной, имеющей древнюю историю и чувство национальной гордости, нельзя. И Вашингтону стоит прислушиваться к тем американским специалистам, кто знает толк в этих делах. Вот, например, что пишет Зб. Бжезинский: «...в то время как религиозный угар, который привел к власти теократическую диктатуру, похоже, понемногу развеивается, прямое столкновение с Америкой почти наверняка приведет к новой вспышке народного неистовства, вдохновляемого фанатичным шовинизмом» [Бжезинский Зб., 2005, с. 104]. Пойдет ли это на пользу США? Несмотря на все свои возможности и geopolитические амбиции, с нашей точки зрения, Вашингтон едва ли может рассчитывать на быстрый успех на иранском направлении. Постоянное же муссирование в официальном дискурсе темы ЯП Тегерана многим просто уже начинает набивать оскомину. Одновременно с этим у международного сообщества растет озабоченность относительно того, что и как со всем этим делать, какой механизм кризисной дипломатии здесь можно и нужно предложить.

2. Формально за те годы, что длится СИК, на этом направлении мировой политики такого рода механизм постепенно сложился. Он существует и по сей день. Мы имеем в виду «шестерку» великих держав, созданную весной 2003 г. В нее в полном составе входят постоянные члены СБ ООН (США, Россия, Китай, Великобритания и Франция) плюс Германия¹. Учитывая тот факт, что три последних государства представляют собой ведущие державы ЕС,

---

¹ В мае 2010 г. в состав «шестерки» изъявили желание войти Турция и Бразилия, явно набирающие вес в мировых делах. Бразилия при этом также весьма активна в рамках БРИК (теперь уже БРИКС). Но их желание пока осталось без ответа.

можно говорить о том, что Евросоюз представлен на этом игровом поле. Однако, несмотря на присутствие в этом образовании, внешне существующем как механизм кризисного регулирования, практически всех грандов мировой политики, с нашей точки зрения, он не может рассматриваться как полноценная и эффективно действующая структура международного посредничества. Почему это так и почему в данном случае мы имеем целый ряд аргументов в пользу «не может»? Подойдем к этому с разных точек зрения.

Начнем с того, что «шестерка» отличается особым внутренним качеством. Это международно-политическое образование во многом виртуально, оно как бы вообще повисает в воздухе. По сути, это никакой не посреднический механизм, который (по идее) реализуется конкретным политическим субъектом, даже если таковым является группа государств. Более того, это даже не механизм фасилитации¹. «Шестерка» в этом плане – во многом рыхлая, аморфная структура, едваправляющаяся с задачей поддержания контактов между самими ее участниками (что уж тут говорить о работе с участниками иранского кризиса), да и та решается от случая к случаю. Иначе говоря, степень ее институционализации весьма и весьма невысока. Судя по тем действиям, которые иногда совершают члены «шестерки», по тем заявлениям, которые они делают время от времени (чаще порознь и очень редко – вместе и то, обращаясь только к Ирану), создается впечатление, что о ней не приходится говорить даже как о сколько-нибудь устоявшейся и четко работающей сети коммуникаций посредников. Естественно, что в этой ситуации напрочь отсутствует, условно говоря, механизм принуждения к согласию в отношении основных фигурантов иранского кризиса – Вашингтона и Тегерана, который от лица международного сообщества применяла бы команда посредников. Есть другой механизм принуждения – со стороны ООН, но он однонаправлен, поскольку адресатом всякого рода ограничений, санкций оказывается только Иран и исключительно он один. Но насколько вообще эффективен данный механизм? Это вопрос.

---

¹ Фасилитация – это профессиональная организация процесса групповой работы, направленная на прояснение и достижение группой поставленных целей. Процесс фасилитации приводит к повышению эффективности групповой работы, вовлеченности и заинтересованности участников, раскрытию их потенциала.

Обращая внимание на эту сторону дела, А.Г. Арбатов отмечает, что «символические, “мягкие” санкции (отказ в визах, замораживание зарубежных счетов) неэффективны, по-разному затрагивают интересы ведущих держав и лишь провоцируют Иран на ужесточение позиции. Эффективные санкции (прекращение закупок нефти и поставок нефтепродуктов, запрет на авиасообщение, морская и воздушная блокада, остановка Бушерского проекта и т.д.) требуют больших жертв со стороны ведущих держав и допустимы лишь как последнее предупреждение перед военной акцией. Гораздо более эффективным средством давления на Иран являются не символические санкции, а единство позиций ведущих держав по условиям возможной договоренности» [Арбатов А.Г. Введение.., 2007, с. 35]. Чего, увы, пока нет. Более того, даже когда вовлеченные в процесс державы (речь идет прежде всего, естественно, о членах «шестерки») выходят на согласованное решение, как это было, например, в ходе встречи «шестерки» 22 января 2008 г. в Берлине, они не могутнятно объяснить мировой общественности, что же ими конкретно имеется в виду. Разнотечения между членами «шестерки» оказываются порой столь значительными, что, к примеру, российская сторона (в отличие от американской) вообще старается избегать термина «санкции». Иные члены «шестерки» по-разному расставляют акценты в уже согласованных положениях: одни в санкциях против Ирана больше усматривают возможность наказания «строптивых персов»; другие – видят в них возможность поддержать усилия МАГАТЭ по прояснению белых пятен прошлой ядерной деятельности Ирана и т.д. [см.: Строкань С., 2008].

Далее. «Шестерка» не является структурой международного посредничества и по той причине, что важнейшей задачей, реализуемой посредниками, является ориентация участников конфликта/кризиса на совместные действия по разблокированию тупиковой ситуации с выводом «основных фигурантов дела» на непосредственный переговорный процесс. Ничего этого нет и в помине. Нет даже того, с чего обычно начинают свою работу международные посредники – с организации консультаций и встреч конфликтующих сторон, когда главным становится простой обмен мнениями и поддержание элементарных контактов в условиях кризиса с использованием обеими сторонами приемов кризисной дипломатии. И не только с организации такого рода консультаций и встреч, но

и поддержания подобных взаимодействий в постоянном режиме. Хотя и это лишь первый шаг, за которым должен последовать другой – более серьезный. Ведь посредник (по идее) должен вести дело к урегулированию конфликта через организацию переговоров, для чего он готовит заранее и затем предлагает сторонам свой план урегулирования. Здесь это условие также не выполняется. Если какие-либо переговоры формально имели место в прошлом и имеют место в настоящем, то, во-первых, все они не выходили и не выходят за рамки обычных консультаций, т.е. взаимного информирования, и, во-вторых, выстраиваются в двустороннем формате, где одной из сторон всегда является Иран, который при этом шел и идет на известные уступки, но стороной переговоров никогда не были США.

Нельзя не сказать еще об одном аргументе в пользу «не может»... Дело в том, что, будучи особой модификацией посредничества, которое по мандату международного сообщества применяет конкретный актор (не важно какой: индивидуальный или групповой), кризисное регулирование есть не что иное, как система строго последовательных, процедурно обставленных и опирающихся на определенную правовую базу действий третьей стороны, преследующей своей основной целью урегулирование кризисной, конфликтной или спорной ситуации, а стало быть, и особое воздействие на тех, кто ее непосредственно вызвал. Имея соответствующие полномочия, третья сторона и приступает к работе по вовлечению участников конфликта или кризиса в переговорный процесс или оказанию им помощи в уже идущем переговорном процессе. При этом настоящая третья сторона должна сохранять в данной ситуации статус нейтрального и объективного игрока, а иногда даже строго бескомпромиссного арбитра.

Выполняется ли данное условие в ситуации современного иранского кризиса? Думается, ответ ясен: нет, не выполняется. Если что мы и можем четко зафиксировать, то лишь демонстрацию национального эгоизма членов «шестерки», когда они исходят не из логики распутывания донельзя запутанного «узла противоречий», т.е. решения общими усилиями этой сложнейшей мировой головоломки, а из логики своих собственных интересов. Тот же А.Г. Арбатов резонно замечает: «В этих условиях не удивительно, что ведущие державы не могут согласовать свои позиции, что раз-

ногласия между ними подчас больше, чем между ними и Ираном. Тегеран в традициях восточного торга ловко пользуется этим, постоянно меняя тактику, попеременно ужесточая или смягчая свою линию, сталкивая партнеров по переговорам и при этом последовательно продвигаясь в программе ЯТЦ» [Арбатов А.Г. Введение.., 2007, с. 35].

В итоге кризис вокруг иранского ядерного досье, протекающий (заметим) в условиях ухудшающейся мировой политической конъюнктуры, становится разменной картой в геополитических играх и геостратегических калькуляциях великих держав и иных акторов, вовлеченных в этот процесс. Особенно это касается сил, представляющих евроатлантический лагерь во главе с США. Надо ли удивляться в этой связи жесткой критике иранского руководства Организации Объединенных Наций (прежде всего Совбеза), которая и должна была бы вплотную и по существу заниматься не Ираном (или не одним лишь Ираном), а урегулированием кризиса, возникшего вокруг этой страны.

Выступая еще в сентябре 2007 г. на заседании 62-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, президент ИРИ М. Ахмадинежад, например, публично заявил: «Некоторые из постоянных членов Совета Безопасности, которые сами являются одной из сторон международных конфликтов, по сути, используя Совет Безопасности, угрожают безопасности других стран. Они заранее объявляют об осуждении Советом Безопасности своего противника. Отсюда вопрос: чем можно оправдать использование Совета Безопасности в качестве такого инструмента? Разве такие действия не лишают Совет Безопасности дееспособности и не ущемляют его авторитет? Насколько способствуют такие действия эффективности Совета Безопасности в плане установления подлинной безопасности?» «К сожалению, – продолжал он, – постоянное стремление некоторых рвущихся к господству стран навязать свою монополистическую политику международным организациям, призванным принимать решения, включая Совет Безопасности, привело к тому, что увеличилось недоверие мирового общественного мнения к ООН, был нанесен большой урон авторитету и эффективности этого самого компетентного органа коллективной безопасности» [Текст выступления Президента ИРИ., 2007].

Так что здесь мы склонны к такому выводу: члены «шестерки» используют свое присутствие в ней для того, чтобы лишний раз напоминать о себе, обращаясь прежде всего к Ирану, но желая подчеркнуть свой мировой статус. Одновременно с этим они используют свое членство в «неформальном клубе по Ирану», для того чтобы наблюдать друг за другом, внимательно отслеживать действия «партнеров». Цель здесь одна: не упустить что-то важное в такой сложной ситуации, как иранская, из-под своего контроля, «быть постоянно со всеми» на этом игровом поле, хотя и действовать в своих интересах.

И еще один, пожалуй, самый важный аргумент. В «шестерке» присутствуют США – один из основных участников СИК, более того, наиболее активная сторона в нем, поддерживающая высокий «градус напряжения» во взаимоотношениях с иранским режимом и постоянно выдвигающая разного рода «инициативы» в плане давления на Иран с вовлечением в этот процесс и международного сообщества, и ведущих евроатлантических держав (особая ставка при этом делается на Францию и Германию). В итоге это приводит к тому, что само присутствие США в «шестерке» изначально парализует ее работу как механизма регулирования, т.е. не позволяет ей быть равноудаленной от участников кризиса и равноприближенной к той проблеме, которая фигурирует в качестве основного «дetonатора» международной стабильности.

Более того, желание Вашингтона перетянуть на свою сторону Париж и Берлин, которые, увы, в этом плане идут у него на поводу и в последнее время все более ужесточают свою позицию по иранской проблеме, фактически раскалывает «шестерку», создавая в ней три полюса (два явных, четко фиксируемых и один – неявный, аморфный): а) США плюс Великобритания (Лондон, как всегда, в одном лагере с Вашингтоном); б) Франция и Германия (она, кстати сказать, недавно занимала второе после Китая место по торговому обороту с Ираном) все более склоняются к позиции первых двух держав (прежде всего, естественно, США); в) Россия и Китай. Если в этой ситуации и можно говорить о «шестерке» как более или менее целостном образовании, то только в одном смысле: в том, что она представляет собой некую контактную группу великих держав по иранской ЯП, т.е. выступает в качестве «площадки» для взаимных консультаций и время от времени – от имени международного со-

общества с увещеваниями в адрес тегеранских властей на предмет недопустимости милитаризации их ЯП.

Резюмируя эту позицию, можно сказать, что «шестерка» весьма далека даже до того малоэффективного, слабоинституционализированного, но все-таки до недавнего времени работавшего механизма посредничества, который международное сообщество использовало в урегулировании арабо-израильского конфликта; механизма, который одно время позволял «ко-спонсорам» в лице США, России, ЕС и ООН вести дело к проведению масштабной конференции по Ближнему Востоку, в чем, естественно, наиболее активной была американская сторона (не будем забывать, что именно Вашингтон разрабатывал базовые принципы урегулирования донельзя запутанных и глубоко конфликтных палестино-израильских отношений – «план Б. Клинтона» 2000 г.). И если режим взаимоотношений основных участников СИК будет оставаться прежним – конфронтационным с явной тенденцией к эскалации конфликтности, а деятельность основных заинтересованных сторон будет характеризоваться дальнейшим нарастанием противоречий между ними, то международное сообщество может в одноточье оказаться перед перспективой возникновения новой горячей точки. И не где-нибудь, а в таком сложнейшем регионе, как Ближний и Средний Восток.

Ко всему прочему переговоры Ирана с «шестеркой» в 2009 г. были прерваны (последняя встреча ее участников состоялась в Женеве 1 октября 2009 г.). И прерваны они были после того, как Совет управляющих МАГАТЭ осудил тегеранские власти за строительство второго завода по обогащению урана и призвал их не строить впредь другие ядерные объекты. Затем, как мы знаем, последовало принятие СБ ООН резолюции № 1929. Она предполагала введение жестких санкций в отношении Тегерана, вызвавших серьезные экономические проблемы для страны и прекращение работы на иранском рынке целого ряда крупных компаний. Тогда о своем решении прекратить работы в Иране заявили французская «Total», англо-голландская «Royal Dutch Shell», BP, ENI, а турецкая компания «Tupas» разорвала контракт на поставку в Иран бензина, в результате чего резко выросли цены на продукты, транспортные перевозки, Иран был вынужден начать производство собственного топлива и т.д. Заметно снизилось финансирование Ираном «Хез-

боллы» в Ливане (по данным израильской разведки, до 40%), которой ежегодно Иран переводил до 1 млрд. долл. Еще одна «жертва» этих санкций – падение не самого слабого министра иностранных дел ИРИ М. Моттаки и назначение на эту должность руководителя Национальной организации по атомной энергии Али Акбара Салехи, имеющего славу технократа, но в то же время опытного и искусного переговорщика. Как видно, Тегеран по-своему «ответил» Западу, предложив для общения с «шестеркой» более серьезную и еще менее удобную для Запада фигуру, чем М. Моттаки [см.: Сафаров Р., 2010; Исакова Е., 2010].

Свое «общение» с Ираном «шестерка» возобновила лишь 14 месяцев спустя – в начале декабря 2010 г. В конце января 2011 г. после длительного перерыва состоялись первые официальные переговоры (они прошли в Стамбуле). Никакого прорыва на них достигнуто не было, если не сказать больше – они закончились провалом [см.: Переговоры Ирана и «шестерки».., 2011]. Позиции сторон оказались непримиримыми: Иран потребовал от «шестерки» отмены санкций ООН и соглашения, в соответствии с которым он смог бы продолжить свои исследования и разработки в области ядерной энергетики; «шестерка» же под председательством комиссара ЕС по иностранным делам и политике безопасности К. Эштон потребовала от Тегерана установления контроля над его ядерными разработками со стороны МАГАТЭ и обмене низкообогащенного урана на обогащенное ядерное топливо (и, как следствие, прекращения Тегераном работ по обогащению своего урана до уровня 20%).

Вообще говоря, складывается следующая ситуация. Во-первых, в поведении сторон не просматривается ориентация на достижение компромиссного решения. Выражаясь словами В. Плеханова, в свое время досконально проанализировавшего тупиковую ситуацию вокруг Нагорного Карабаха, можно сказать так: «Стороны не ищут компромисса, они предъявляют требования друг к другу в расчете на их невыполнимость» [Плеханов В., 2001, с. 11]. Во-вторых, поведение «шестерки», которая, пусть формально, но все же выступает в роли посредничавшей структуры, все больше напоминает поведение конфликтующей стороны – стороны, которая не помогает разрешить кризис, а сама все больше входит в него, предъявляя Ирану заведомо невыполнимые требования. В-третьих, присутствие в «шестерке» США, которые еще в январе 2002 г. (ус-

тами президента Дж. Буша-мл.) объявили Иран вместе с Ираком и КНДР страной, принадлежащей к «оси зла» [см.: Буш выступил перед конгрессом.., 2002], и, более того, выступающих в качестве главного недовольного лица в иранском кризисе, так сильно на-креняет «корабль» посредников, что остается удивляться, как он вообще еще куда-то плывет.

Наконец, невооруженным глазом видно, что нужны перегово-ры внутри самой команды посредников, прежде всего между США и Китаем, что по понятным причинам весьма затруднитель-но. Если Великобританию, Францию, в меньшей мере Германию США без особого труда могут склонить на свою сторону (напри-мер, в вопросе санкций в отношении Ирана) и вышеуказанные страны вряд ли рискнут проводить самостоятельную политику, противоречащую генеральной линии США; если к мнению Ва-шингтона стала прислушиваться Москва (по крайней мере, так бы-ло до недавнего времени), то в отношении Китая, имеющего весомые экономические интересы в Иране, этого не скажешь. Угрозы США в его адрес исключены, попытки же давить на него – мало-эффективны. Здесь будет не лишним вспомнить, что в феврале 2011 г. США предприняли попытку надавить на несговорчивый Китай путем расшатывания тайваньской проблемы. Вашингтон обозначил в качестве своих планов осуществление поставки воору-жений не признаваемому Пекином Тайваню на сумму 6,4 млрд. долл., обвинив при этом КНР в наращивании своей военной мощи. Однако данное действие не принесло желаемого результата, по-скольку Китай вместо предполагаемого замешательства выступил с резкими заявлениями в адрес США, обвинив их во вмешательстве в свои внутренние дела и даже пригрозил ввести санкции против американских компаний, поставляющих Тайваню вооружения. На-блюдатели расценили данный политический маневр США как «политическую игру вокруг Ирана», которая, однако, не привела к уступкам со стороны Китая [см.: Снежанова Л.Н.].

Так или иначе, но в переговорном процессе по ядерному до-сье Ирана наступил период неопределенности, открывающий пер-спективу для силового варианта развязки кризиса. В мае 2011 г. Иран, правда, послал сигнал о своей готовности к новому раунду переговоров с «шестеркой», что стало его ответной реакцией на письмо в свой адрес той же К. Эштон. Правда, при этом он огово-

рил один момент: «переговоры должны состояться без давления третьих сторон» [см.: Иран готов к новому раунду.., 2011]. То есть опять ничего определенного. И тут же (в июне 2011 г.) Иран объявляет о планах перевода работ по обогащению урана с мощностей в Натанзе на подземный объект в Фордо с одновременным троекратным (!) увеличением числа необходимых для этих целей центрифуг. Плюс к этому на сайте Корпуса стражей исламской революции появляется некое сообщение (утка?) под интригующим названием «День первого ядерного испытания в Иране – нормальный день», вызвавшее подлинный шок и отчаяние в Тель-Авиве, но, судя по всему, имевшее своей целью совсем другое – дать привыкнуть иранцам к идеи ядерных испытаний и не бояться при этом реакции со стороны мирового сообщества [см.: Ядерные испытания в пустынях.., 2011].

Некоторый просвет в переговорном процессе наступил в середине августа 2011 г. И связан он был не с усилиями «шестерки», а с усилиями Москвы, которая де-факто попыталась взять на себя функцию единоличного посредника. Видя полный тупик в переговорном процессе с Тегераном, российская сторона предложила свой собственный план урегулирования ситуации вокруг иранской ядерной программы. Речь идет о так называемом «плане Лаврова», озвученном российским министром еще в июле. Это план пошагового подхода к решению проблемы, что можно интерпретировать таким образом: «Двигаться вперед, разбивая проблему на этапы, оговаривая при этом на каждом из них взаимные действия и возможные уступки». Согласно «плану Лаврова», на выполнение Ираном требований МАГАТЭ международное сообщество должно будет отвечать «замораживанием», а потом и отменой санкций, введенных СБ ООН в отношении этой страны еще в 2006 г. и с тех пор не единожды ужесточавшихся. По большому счету, Россия не отвергает прежние предложения «шестерки», обращенные к Тегерану. Она лишь предлагает обозначить последовательность шагов, следуя принципу «от простого к сложному», и установить между ними временной промежуток, с тем чтобы можно было проверить исполняемость принятых решений. После этого можно переходить к следующему этапу. При этом уступки сторон должны быть последовательными и взаимными. Уточним: «план Лаврова» содержит только те шаги, которые могут снять озабоченность междуна-

родного сообщества в отношении характера ЯП Ирана. Не более того. Права Ирана обогащать уран он не касается. Речь идет лишь о сотрудничестве с МАГАТЭ, поскольку только эта организация получит право задавать Ирану вопросы по существу дела.

Заметим, предложения российской стороны были позитивно восприняты Тегераном. Однако, как подчеркивают специалисты (например, директор Центра по изучению современного Ирана Р. Сафаров), с реализацией новой инициативы Москвы могут возникнуть проблемы. Помимо такого фактора, как искренность официального Тегерана и глубина его согласия с позицией Москвы, есть те игроки (в той же «шестерке», но в данной ситуации – в остающейся «пятерке»), которые не очень-то хотели бы такого развития событий вокруг Ирана и не выражают желания отказаться от своих завышенных требований. США, например, вступившие в предвыборный период, явно не готовы к компромиссу и рассчитывают на ослабление иранского режима, которое может его подтолкнуть к серьезным уступкам [см.: Химхиашвили П., Глинкин М., 2011]. Но и Тегеран верит в себя, рассчитывая на свою силу и настойчивость в отношении Запада. Хоть это выглядит и наивно, но он все-таки ждет, что СБ ООН пойдет на одностороннюю отмену санкций.

В общем, складывается впечатление, что и в случае с последней инициативой Москвы вокруг Ирана и его ядерной программы ничего не изменится, т.е. рано или поздно все вернется на «круги своя». И дело здесь не в отсутствии профессионализма у дипломатов и/или отсутствии воли у уполномочивших их правительств сдвинуть вопрос с мертвой точки, а в более серьезных основаниях. Каких именно?

3. Во всей ситуации вокруг Ирана суть дела, с нашей точки зрения, не в его ЯП как таковой. Полагаем, что это всего лишь повод предъявить Ирану претензии. Не было бы у Ирана ядерной, нашли бы химическую, бактериологическую, геотектоническую или еще какую-нибудь программу. В этом серьезнейшем вопросе мировой политики России следует быть крайне осторожной и про- считывать все шаги и их последствия. Как справедливо замечает известный российский эксперт Д. Рюриков, происходящее ныне вокруг Ирана – «дежа вю» 2003 г., когда США и их союзниками искусственно подогревались страсти вокруг иракского ОМУ [см.: Рю-

риков Д., 2010]. Обвиняя С. Хусейна во всех смертных грехах (в «наличии неких тайных лабораторий, где производилось это ОМУ, и недопуске в свои дворцы, где оно-де складировалось», в «секретных урановых сделках с Нигером», в «связях с одиозной “Аль-Кайдой”» и т.д. и т.п.), в Ираке американцы тоже искали ОМУ. Искали долго и кропотливо, прикрываясь инспекторами ООН. Не находили ядерного... – искали химическое, не находили химического – искали хоть что-нибудь, напоминающее ОМУ. Помимо опыта «урегулирования» Западом иракского кризиса (во многом инспирированного им же самим), у всех на слуху сегодня афганский «узел противоречий» с неясными перспективами его урегулирования. Совсем недавно мы видели, как действовала Франция и ее союзники (правда, с санкций ООН) в Ливии. На подходе еще одна «площадка» для кризисного регулирования – сирийская...

Как же ему в этой ситуации можно наладить переговорный процесс с Ираном? Или, скажем точнее, пойдет ли Иран на переговоры, осознавая, что его базовые интересы все равно Западом не будут учтены. Если что и подталкивает его на это, то скорее присутствие в «шестерке» России и Китая, которые хоть как-то, но учитывают иранские заинтересованности. В меньшей мере иранские власти заботят мировое общественное мнение и «правила хорошего тона» – предпочтительность ведения международных дел с помощью дипломатии, а не танков и ракет. Давно уже пора понять: официальный Тегеран – это весьма искушенный игрок и политическое зрение его пока не подводит. Тегеран же видит, что четыре из шести участников «команды посредников» – это те же самые западные страны, которые на словах, призывая его к переговорам и даже обвиняя за постоянную обструкцию своих дипломатических усилий, за неуступчивость в вопросах транспарентности его ядерной программы и т.д., на самом-то деле привержены другой философии – «философии силы».

Так что диалога, а любой настоящий переговорный процесс – это именно диалоговая (или даже полилоговая, если говорить о многосторонних переговорах) форма общения равноправных сторон, и не получается. Как не получается и посредничества в исполнении «шестерки», ибо посредничество – это строго нейтральная, равноудаленная от участников противостояния и ориентирован-

ная на решение проблемы, а не на что-либо другое, линия поведения третьей стороны. И «вечный тупик» в переговорах по иранской ЯП – лишнее тому подтверждение. Иначе говоря, тупик в переговорах – не отсутствие адекватных природе и сложности обсуждаемой проблемы технологий и техник работы переговорщиков, а отсутствие доверия со стороны Тегерана к западным «партнерам». В конечном же счете это *отсутствие смысла* вести с ними диалог по существу. И обнародование доклада, подготовленного генеральным секретарем МАГАТЭ Ю. Амано в ноябре 2011 г., – лишнее тому подтверждение.

Тегеран прекрасно понимает желание США и Великобритании плюс подыгрывающей им почти во всем Франции навязать ему свои правила игры, за чем скрываются более серьезные вещи, а именно: сделать «режим аятоллы» покладистым, а еще лучше вообще заменить его на удобный для Запада. Естественно, не стоит идеализировать и Иран, договороспособность которого (по крайней мере формально, т.е. с точки зрения канонов официальной дипломатии) оставляет желать лучшего. Но не все факторы, осложняющие эту способность иранской дипломатии, – внутриполитические. Договороспособность официального Тегерана осложняют и международные факторы, в том числе и необязательность отдельных игроков, работающих на иранской «площадке» (например, той же России, которая после «перезагрузки» своих отношений с США и под влиянием протестов со стороны Израиля «заморозила» поставки в Иран комплексов С-300). Потеря доверия к ним, увы, тоже налицо [см.: Снежанова Л.Н.].

И все же сегодня слишком много козырей у Запада. Он во многом задает тон. А главным для Запада было и остается – изменить политический режим в Иране или, как там предпочитают говорить, максимально «демократизировать» его. Последнее слово, пожалуй, ключевое. Сошлемся в данном случае на мнение одного из крупнейших отечественных востоковедов – академика Е.М. Примакова. Говоря о сложности налаживания диалога западной и исламской цивилизаций в современных условиях, в одной из своих статей он пишет: «...диалог между двумя цивилизациями загоняется в тупик попытками силой распространить на Ближний Восток и Северную Африку ту модель демократии, которая привилась на Западе – без учета цивилизационных, традиционных,

исторических особенностей арабского мира, менталитета его населения. Силовое навязывание демократии стало не просто отличительной чертой американской экспансии на Ближнем Востоке, но и ее идеологическим оправданием. Особенно четко это проявилось во время администрации Буша-младшего, предпринявшего военную операцию в Ираке. Отвергнутые неопровергимой действительностью "аргументы" о том, что Ирак якобы угрожает США, так как производит ядерное оружие или поддерживает тесные связи с "Аль-Кайдой", организовавшей террористическое нападение на Соединенные Штаты 11 сентября 2001 года, были тут же заменены. Причиной вооруженной интервенции была объявлена необходимость привнести в саддамовский Ирак демократию. Что на самом деле было привнесено в Ирак, - продолжает Е.М. Примаков, - показали 8 с лишним лет американской оккупации. Шиитско-суннитские отношения вылились в непрекращающиеся кровавые столкновения. В результате военных действий США и междуусобной, межконфессиональной борьбы за 8 лет погибло более 1 миллиона иракских граждан, около 5 миллионов покинули страну. По сей день раздаются взрывы на улицах иракских городов, уносящие десятки человеческих жизней. Происходит исламизация государстваенных структур – все шиитские партии, занимающие ведущее положение в багдадском правительстве и парламенте, религиозного толка. Ирак оказался на грани территориального распада».

Нельзя не согласиться и с заключительным тезисом этого ученого и дипломата: «Разрядка напряженности между Западом и арабским, шире – исламским, миром не произойдет, а, напротив, в конце концов усиливается в результате действий, предпринятых НАТО в Ливии. Создан опаснейший прецедент, когда военный блок, руководимый американцами, выйдя за рамки мандата Совета Безопасности ООН, открыто применяет военную силу в поддержку одной из сторон, вовлеченных в гражданскую войну. И Лига арабских государств, и Африканский союз, и Россия, и Китай, и многие другие, в том числе некоторые члены НАТО, выступают противниками силового решения, за поиски политического урегулирования, особенно когда совершенно ясно, что половина, если не больше, ливийского населения поддерживает режим в Триполи. Конечно же, бомбардировки в Ливии не приближают диалог цивилизаций,

а он жизненно необходим» [Примаков Е.М., 2011]. Полагаем, что в Иране это прекрасно понимают.

Кроме того, в Иране считают, что правота сегодня на стороне мусульманского Востока с его жаждой справедливости, которая одна только и «является основополагающим фактором мира, надежной безопасности и любви между народами и нациями» (М. Ахмадинежад), но никак не погрязшего в исключительном «материализме» и «гедонизме» Запада [см.: «Мы предлагаем миру спасение..», 2011]. Иран же – один из лидеров этого набирающего силу Востока, который начинает свое новое восхождение, и на фоне слабеющего, теряющего динамику Запада его вариант мироустройства не выглядит таким уж наивным. Как раз наоборот, обретает все больше сторонников (в так называемом шиитском пояссе он вообще totally доминирует). Но Иран все еще ведет дела с Западом или, скорее, делает вид, что ведет дела. Пусть так, а ведь есть еще и радикальные силы, группы и организации, объединяющие фанатично и решительно настроенных в отношении Запада мусульманских меньшинств, которые вообще считают, что пора перестать с ним вести какие бы то ни было переговоры, надо начать мощное давление на Европу и США, в прямом и переносном смысле атаковать «англосаксов».

При всем множестве форм такого рода «атаки» в качестве основных форм радикалы выделяют все же две – миграцию и террор, что мы, собственно, уже видим на практике. Размыщая об этом, один из крупнейших знатоков Востока американо-britанский ученый-историк Б. Льюис задается вопросом: «Неужели третья атака исламского мира принесет плоды? Это не столь уж невероятный сценарий, поскольку мусульмане обладают рядом явных преимуществ. У них есть рвение и сила убеждения, которые в большинстве западных стран либо слабы, либо вовсе отсутствуют. Мусульмане уверены в своей правоте, тогда как мы тратим большую часть времени на самоуничижение и самокритику. Они преданы своему делу и дисциплинированы. Но, пожалуй, самое главное заключается в том, что на их стороне демография, сочетание естественного прироста и результатов миграции, что в обозримом будущем может привести к тому, что в некоторых европейских городах или даже странах мусульмане будут составлять большинство» [Льюис Б., 2009].

В связи с отсутствием в условиях нынешней ситуации вокруг Ирана и его ЯП не только более или менее эффективного, но и вообще какого бы то ни было *реального механизма кризисного регулирования*, возникает естественный вопрос. Возможно, он звучит и алармистски, но, с нашей точки зрения, вполне оправдан. Спрашивается: может быть, решение лежит совершенно в другой плоскости, находится вне того переговорного пространства, которое долгий период времени, вроде бы, создают вовлеченные в данный процесс мировые игроки? С нашей точки зрения, так оно и есть. Тем более что по большому счету никакого настоящего переговорного процесса и нет. Если что и есть, то в лучшем случае консультации сторон.

Здесь нам на память приходят слова классика – одного из ярких представителей русской геополитической школы – Н.Я. Данилевского, который в своей работе «Россия и Европа» (естественно, на языке своего времени) писал так: «...относительное бессилие дипломации, эта невозможность решать важнейшие международные вопросы путем мирных переговоров считается многими признаком несовершенства того состояния, в котором находятся человеческие общества. Естественное и законное стремление к мирному развитию все более и более привлекает симпатии народов к биржевому взгляду на политику (читай: бизнес-подходу по-американски для нашего времени. – В.Р.). Но если бури и грозы необходимы в физическом порядке природы, то не менее необходимы и прямые столкновения народов, которые вырывают судьбы их из сферы тесных, узкорациональных взглядов политических личностей (по необходимости судящих о потребностях исторического движения с точки зрения интересов минуты, при весьма неполном понимании его сущности) и передают непосредственному руководству миро-правительного исторического Промысла. Если бы великие вопросы, служившие причиной самых тяжелых, самых бурных исторических кризисов, решались путем переговоров, с точки зрения самых искусных, самых тонких политиков и дипломатов своего времени, – как были бы жалки исторические результаты этих благонамеренных усилий, которые (при всей их благонамеренности, при всей человеческой мудрости, ими руководящей) не могли бы предугадать потребностей будущего, не могли бы оценить плодотворного влияния таких событий, которые с точки зрения своего

времени нередко считались и должны были считаться вредными и гибельными. В том, что мировые решения судьб человечества почти совершенно изъяты от влияния узкой и мелкой политической мудрости деятелей, современных каждому великому историческому перевороту, должно, напротив того, видеть один из самых благодетельных законов, управляющих историческим движением» [Данилевский Н.Я., 1991, с. 301–302].

С поправкой на наше время опуская такие вещи, как «необходимость прямого столкновения народов» и «мироправительный исторический Промысел», мы разделяем не только пафос этого текста Н.Я. Данилевского, но и его главную мысль – мысль о принципиальной «нерешаемости бурных исторических кризисов за столом переговоров». Убедительным свидетельством этому являются многие затяжные международные/региональные кризисы, в основании которых лежат «глубоко укорененные» (по Дж. Бартону) конфликты со значительной культурно-цивилизационной составляющей. За примерами далеко ходить не надо: это и кашмирский «узел противоречий», это и курдская проблема, это и проблема христианско-анимистского Юга в Судане (только недавно вроде бы разрешенная), это и «Ай-Дат» с его нынешним территориальным «эпицентром» в Нагорном Карабахе, это и арабо-израильское противостояние в Палестине – очень жесткое противостояние, в итоге открывающее дорогу не только всеобщему региональному «хаосу», но и делающей вполне реальной перспективу мировой войны [см.: Асламова Д., 2011]. Все это, все эти кризисы и конфликты едва ли представляется возможным разрешить или как-то уладить за столом переговоров, какими бы представительными они ни были, с помощью каких бы авторитетных посредников и в каких бы форматах они ни проводились. Сегодня это не может отрицать даже самый последовательный сторонник решения политических проблем путем переговоров, даже безгранично верящий в возможности миротворчества человек!

В то же время это не значит, что следует принять на вооружение ту мысль, к которой нас подспудно подталкивает автор. А она сводится к тому, что в важнейших мировых делах в конечном счете все решают *стихийно* складывающиеся балансы сил главных игроков («социальные бури и грозы», по Н.Я. Данилевскому): как их более или менее симметричные отношения друг с другом, так и

их асимметричные отношения с теми, кто занимает в мировой геополитической таксономии места «этажами ниже». Причем термин «асимметричные» здесь – не просто дань обычной риторике, а выражение важных особенностей международных отношений как таковых. Ведь по большому счету все они асимметричны и в современных условиях растет как раз частотность взаимодействия разнотипных (и асимметричных во всех смыслах) субъектов. И это обстоятельство, как очень тонко замечает Л. Дериглазова, «нацеливает нас на предположение о наличии в мире своего рода стихийного механизма регулирования (или саморегулирования) множественных асимметрий в международных отношениях» [Дериглазова Л., 2007].

Корректируя мысль русского классика и его современных (явных или неявных) последователей, скажем: так оно и есть, за исключением фактора стихийности. Все-таки сегодня основными действующими лицами на мировой и/или региональных шахматных «досках» являются не народы как таковые и не огромные армии, их представляющие, т.е. силы, в прямом боестолкновении решающие «кто – кого», а политические элиты и элитные группы, тайные и явные группы интересов и группы давления, отдельные влиятельные персоны – те силы, которые во многом проектируют те или иные политические ситуации, а для их решения используют новый тип оружия, соответствующий реалиям информационной эпохи, – «организационное оружие», спектр которого весьма широк.

В ситуациях типа той, которая сложилась сегодня вокруг Ирана и его ЯП, хорошо видно, что действует очень большое количество игроков. И у всех из них свои интересы и свои предпочтения. По сути, любой кризис – это всегда сложный «комплекс» взаимоотношений тех или иных акторов, с присущей только ему «архитектурой» – комплекс, который создает как общий фон кризиса, так и общие рамки возможного урегулирования, чем заметно влияет на ход переговорного (или, как в нашем случае, – квазипереговорного) процесса. Поэтому конкретный вариант разблокирования любых тупиковых ситуаций, подобной иранской, будет определять баланс сил *всех вовлеченных в процесс акторов*, их соответствующие возможности и ресурсы. И решающим фактором здесь могут оказаться вовсе не усилия посредников, пусть и самых искусных, а втянутость в процесс заинтересованных сторон, как это было, на-

пример, на Балканах, а еще раньше в Восточном Тиморе, или как это сегодня обстоит на западе Судана – в многострадальной провинции Дарфур. Иначе говоря, все будет зависеть от того, как сложатся отношения в данный момент времени между всеми вовлеченными в кризис/конфликт сторонами и какими будут эти отношения. Поэтому из самых разных вариантов урегулирования таких острых региональных «узлов противоречий», как иранский, в итоге может реализоваться самый «невероятный». Но только на первый взгляд, поскольку именно он в итоге может устроить заинтересованные стороны. Особенно это верно в тех ситуациях, когда посредники лишь *формально* сохраняют рамку третьей стороны, а по большому счету, посредниками-то и не являются, выступая в качестве тех же самых заинтересованных сторон.

В этой связи возникает вполне естественный вопрос: от чего и/или от кого будет зависеть дальнейшее развитие событий вокруг Ирана и его ЯП? Прежде всего коснемся еще одного – пожалуй, ключевого – вопроса. Речь пойдет о подлинных причинах СИК.

4. С нашей точки зрения, *геополитическая подоплека* этого кризиса состоит в том, что возвышение Ирана как сильного и весьма влиятельного игрока на мировой «шахматной доске» знаменует собой серьезный сдвиг силовых полей на всем Ближнем и Среднем Востоке и является едва ли не главным препятствием, которое стоит на пути утверждения тотального контроля США над этим стратегически важным регионом мира во исполнение амбициозного проекта «Новый (Великий) Ближний Восток». Именно в этом состоит «невралгический узел» всей иранской проблемы. Что же касается такого важного, но в данном случае вторичного момента, как необходимость сохранения режима нераспространения ЯО, то для официального Вашингтона это не более чем *тищательно разработанный политический дискурс*, которым он умело прикрывает свои претензии к Тегерану. Хотя (странные дела) «нелояльность» к ДНЯО таких государств, как Израиль, а также не участвующих в этом договоре Индии и Пакистана¹ почему-то остается без его особого внимания.

---

¹ Напомним, что в январе 2003 г. из ДНЯО вышла КНДР, состоявшая в нем начиная с 1985 г. Таким образом, на сегодняшний день вне договорного пространства находятся четыре страны: Израиль, Индия, Пакистан и КНДР. Всего

В этой связи нельзя не согласиться с мнением Д.В. Суслова, который, говоря о провозглашенной Дж. Бушем-мл. после событий 11 сентября 2001 г. войне против так называемого международного терроризма, писал, что ее действительная цель «с самого начала состояла в достижении управляемости и подконтрольности региона Ближнего и Среднего Востока со стороны США. Это квинтэссенция нынешней американской стратегии. Очевидно, что для Ирана подобная перспектива не только неприемлема, но угрожает самому развитию и выживаемости страны, как они видятся всеми частями иранской элиты – от клерикалов до либералов. Статус Ирана как региональной “великой державы” и даже регионального гегемона, тем более обладающего ядерным оружием, несовместим с концепцией управляемости региона Соединенными Штатами. В то же время окончательная потеря контроля над регионом Ближнего и Среднего Востока означает кризис идентичности для США как единственной сверхдержавы, осуществляющей миросистемное регулирование, и дестабилизацию международной системы в целом. Именно в этом, по нашему мнению, главное противоречие между США и Ираном, которое, оставаясь в плоскости анализа “США – Иран”, разрешить невозможно (курсив наш. – В.Р.)» [Суслов Д.В., 2004, с. 59–160].

Но эта основополагающая задача, которую решают США, а именно достижение полной управляемости и подконтрольности Ближнего и Среднего Востока, имеет, с нашей точки зрения, и чисто «нефтяное измерение». Нельзя не согласиться с мнением таких блестящих аналитиков, как Ю.И. Дроздов и С.И. Илларионов, которые пишут: «Серьезным последним шагом американского руководства в направлении установления своего контроля над нефтяными полями и путями доставки нефти из региона стала оккупация Ирака, располагающего весьма значительными запасами углеводородов. Теперь США нужен полнейший контроль как минимум над Ормузским проливом, наглоухо “запирающим” Персидский залив и являющимся стратегическим ключом к путям нефтяного транзита из его акватории. Тот, кто будет контролировать Ормуз-

---

же ядерных держав в мире девять. Пять из них – «легитимные» обладатели ядерного оружия (США, Россия, Великобритания, Франция и Китай), а четыре – «нелегитимные» (их мы назвали выше).

ский пролив, – будет контролировать и основную часть (80%) вывоза нефти из стран залива. Как максимум, Америке желателен еще и контроль над всем южным побережьем и нефтяными запасами Ирана, сравнимыми с углеводородными богатствами поверженного Ирака. Таким образом, стратегические интересы США и Ирана несовместимы, если не сказать что они – диаметрально противоположны друг другу. Никакое существенное, принципиальное соглашение между ними, даже если оно и будет достигнуто, не может стать долгосрочным и обречено сыграть лишь роль тактической паузы» [Дроздов Ю.И., Илларионов С.И., 2007, с. 241–242].

Таким образом, если говорить о том, кто из местных акторов мог бы по-настоящему бросить вызов американскому проекту «Новый (Великий) Ближний Восток», то можно назвать только одну державу, способную на такой шаг – это Иран. Оказывая влияние на значительный сегмент мусульманского мира (так называемый шиитский пояс), он не только имеет свой оригинальный национальный проект, который свидетельствует о все большем отходе нынешних иранских лидеров от первоначальных идеалов исламской революции и об их сдвиге к обычному национализму, но и проводит целенаправленную политику по его реализации. С нашей точки зрения, современный Иран демонстрирует нечто большее. Стремительно набрав обороты в течение последних лет, сегодня Иран готов к мощному рывку. Можно даже констатировать факт резкого усиления, своеобразного возвышения этого государства на фоне всех других государств регионального масштаба (Турции, Саудовской Аравии и даже некогда всесильного Израиля). Вполне естественно, что в этих условиях меняются политические устремления Ирана как серьезного игрока, который начинает заметным образом влиять даже на мировую политику. И надо ли удивляться тому, что эта страна объективно превращается в главное препятствие, стоящее на пути утверждения тотального контроля со стороны США над «зоной пересечения крупных силовых линий, связывающих Дальний Восток с Африкой и Европу с Индией» [Лохаузен Й. фон, 2000, с. 893–894], – над Ближним и Средним Востоком?

Теперь о важнейших чертах (или характеристиках) иранского кризиса. С нашей точки зрения, их две.

Во-первых, являясь таковыми, СИК показывает, что его главные действующие лица демонстрируют практически арсенал средств борьбы, в котором есть все что угодно, все возможные несиловые и силовые способы воздействия на противника, пока за исключением использования средств прямого, т.е. непосредственно го, военного противоборства. Подчеркнем, однако, что это жесткое противостояние мощных, хотя и разных по силам держав, которое находится *на грани* перерастания обычных средств борьбы (от экономических санкций до информационно-психологической войны) в настоящие военные действия с применением самых разных видов оружия. И что интересно: обе конфликтующие стороны при этом не очень заботятся о том, чтобы использовать возможности кризисной дипломатии. Под ней обычно понимается тщательно продуманная деятельность со стороны конкретного государства, озабоченного развитием событий в ситуации кризиса, в который оно оказалось вовлеченным, когда это государство предпринимает реальные шаги в направлении снижения вызванной этим кризисом международной напряженности, а также недопущения его тяжелых последствий для своей национальной безопасности.

Одним словом, в нашем случае как раз та ситуация, которая теоретически точно описана известным отечественным специалистом М.М. Лебедевой: «Несмотря на резкое ухудшение в отношениях, кризис тем не менее не обязательно влечет за собой войну, – указывает она. – Одним из примеров здесь служит опять же Карибский кризис 1962 г., когда взаимоотношения СССР и США все-таки не переросли в вооруженные столкновения, а в итоге – новую мировую войну, хотя ситуация и была крайне острой. Однако возможен и другой вариант развития событий, а именно: когда стороны все сильнее начинают проявлять враждебный характер по отношению друг к другу, – тогда за кризисом (переломной точкой) следуют вооруженные действия и далее развязывается *вооруженный конфликт*» [Лебедева М.М., 1997, с. 25].

Во-вторых, современный иранский кризис – это типичный асимметричный конфликт, поскольку в него вовлечены, с одной стороны, внeregиональный игрок в лице единственной сверхдержавы современного мира, а с другой – крупный игрок регионального масштаба с явной претензией на сверхдержавный статус, по меньшей мере в пределах «своего» региона. Возможно, это один из

первых провозвестников асимметричных конфликтов будущего, о которых в свое время говорил такой маститый ученый-международник, как Р. Хаас. В одной из своих работ он писал: «Мы можем легко себе представить схватку Соединенных Штатов и Китая из-за Тайваня, Соединенных Штатов и России по поводу Украины, Китая и России из-за Монголии или Сибири, Японии и Китая по региональным вопросам. Но еще более вероятны конфликты, в которых вовлечена одна из великих держав и средней величины противник (курсив наш. – В.Р.)» [Haass R., 1997, p. 41]. Но в нашем случае это еще своеобразный (своего рода парадоксальный) асимметричный конфликт, когда вроде бы «более слабый противник способен нанести серьезный ущерб и даже навязать свою волю более сильному, а сильный противник не всегда может отстоять свои интересы и подчинить слабого» [Дериглазова Л.].

Данное обстоятельство придает еще меньшую системную связанность и без того фрагментированному сегменту мирового пространства, каким в условиях постбиполярного мира является Ближний и Средний Восток. Конечно, умозрительно говоря, после бесславного завершения операции в Афганистане и разворота на все 180 в Ираке можно допустить, что Вашингтон потеряет интерес к «Великому Пятиморью» и, соответственно, поумерит свой пыл в его северной оконечности – в Черноморско-Каспийском регионе. Но пока этого не видно, тенденции к охлаждению в отношении данного региона у Вашингтона не просматриваются. США продолжают свою политику по закреплению на сопредельных с Ираном территориях, хотя, может быть, с меньшим, чем прежде, рвением, но гораздо более осмотрительно, действуя в том числе и чужими руками (прежде всего Саудовской Аравии и Турции). США продолжают свое прицеливание к нему (и в прямом, и в переносном смысле).

Отсюда и шаги американцев навстречу Азербайджану в плане разыгрывания талышской карты, вплоть до стремления использовать здесь объекты военной инфраструктуры бывшего СССР [см.: Абосзода Ф.Ф., 2011, с. 84–85]. Отсюда и попытка Вашингтона склонить на свою сторону нейтральный Туркменистан с настойчивыми «просьбами» разрешить посадки американских военных самолетов на его аэродромах, на что тот, видя благосклонность Вашингтона и его союзников, отвечает все большей самостоятельностью в веде-

нии международных дел и, в частности, шагами, которые де-факто все больше дистанцируют его от России [см.: Куртов А., 2010; Якубян В., 2011]. США не прочь использовать в своих интересах и «особую позицию» Узбекистана в региональных делах, который после известных событий в Андижане в 2005 г. практически восстановил свои отношения с Западом, а сегодня, даже являясь членом ОДКБ, крутит носом и не особо желает потакать Москве в восстановлении ее позиций в «Новой Центральной Азии» [см.: Шустов А., 2011]. США хотели бы закрепиться и в пакистанской части Белуджистана, но мешает позиция официального Исламабада, который все больше ориентируется на тесное сотрудничество с Пекином. Последний же, которому Пакистан выгоден как стратегический союзник против Индии и как кратчайший путь для транзита углеводородов в Синьцзян, уже закрепился здесь (имеет свою базу в Гвадаре) [см.: За освобождение Белуджистана.., 2011].

Но и Иран – не какое-нибудь обычное государство. Ни «персонально» США, ни тандему «США – Израиль» не стоит забывать, с кем им приходится иметь дело. Современный Иран – это не просто субъект международного права. И уж тем более это не государство, обладающее фиктивным или ограниченным суверенитетом. Применительно к нему специалисты по международным отношениям употребляют иногда термин «состоявшееся государство». Но это характеристика страны с формально-политической точки зрения. Если же взять более глубокий план – культурно-цивилизационный, то здесь картина еще более интересная. Иран представляет собой во многом уникальную страну с древнейшей государственнической традицией. Исторически он всегда существовал как империя (сначала – шахская, сегодня – управляемая духовенством). До революции 1979 г., когда была свергнута династия Пехлеви и образовано теократическое государство в форме исламской республики, Иран являлся одной из древнейших монархий мира. Кроме того, по классификации С. Хантингтона, Иран – это стержневое государство, образующее ядро особой цивилизационной (точнее говоря, субцивилизационной) плиты – персидской. Одновременно с этим данное государство, в котором шиизм джафаритского толка, который уходит своими корнями в иранскую и индоарийскую ведическую культуру, является государственной религией, образует ядро внушительного шиитского ареала на

Ближнем и Среднем Востоке. И события последнего времени в Магрибе и на Ближнем Востоке привели к попыткам Ирана усилить свои позиции в регионе, причем ключевой целью стали как раз те территории, на которые распространяются претензии Ирана, а также страны, где шиитские общины либо дискриминированы правящими суннитскими режимами, либо дистанцированы от политических процессов [см.: Баронин А., Колпаков А., 2011].

Что еще представляется важным отметить: Тегеран умело воспользовался ситуацией, которую создала смена власти в Вашингтоне, связанная с уходом Дж. Буша-мл. и его советников из числа неоконсерваторов во главе с Р. Чейни и Д. Рамсфелдом и приходом демократа Б. Обамы, пытавшегося поначалу выглядеть «голубем», с демонстративным отказом от риторики «исламофашизма» и заигрыванием с миром ислама (в духе его нашумевшей речи в Каире). Передвижка в высшем американском истеблишменте объективно создала хоть и небольшой, но все-таки вакuum влияния США в регионе и в целом – в исламском мире, чем Тегеран не преминул воспользоваться. Он стал набирать политические обороты, небезуспешно тесня США с занятых ими «площадок». Тем более что у Ирана есть собственное понимание того, как мог бы быть переформатирован Ближний и Средний Восток, свой проект «Большого (Исламского) Ближнего Востока», на что в свое время была ориентирована инициатива Хатами. Базой этого стало наращивание экономического и военного потенциала Ирана.

Любопытно, но факт: одновременно с воцарением в Белом доме в конце января 2009 г. Б. Обамы (спустя буквально две недели) Иран вывел собственный искусственный спутник земли «Омид» и сделал это с помощью собственной ракеты-носителя «Сафир-2». И ничего страшного в том, что «Омид» недолго тогда проработал на орбите (он быстро сгорел в атмосфере). С помощью ракеты того же класса в июне 2011 г. Иран успешно вывел на орбиту новый ИСЗ – «Рассад-1» [см.: Иран стал первой исламской..., 2009; Бабич К. Иранский спутник..., 2011]. Важнее другое: он дал Западу, и прежде всего США, понять, что, во-первых, у него помимо ядерной есть серьезная ракетная программа, а во-вторых, со времен запуска «Омида» Иран де-факто стал полноправным членом клуба космических держав и – подчеркнем особо – первой космической державой в исламском мире.

Тегеран никогда особо и не скрывал устремлений стать региональной сверхдержавой, не прятал своего желания выстроить мини-империю на том пространстве, где до недавнего времени США пытались строить «процветающий, демократический и независимый Большой Ближний Восток». Этот проект оказался не очень успешным, и активные иранцы не без успеха стали заниматься «утилизацией» некоторых сегментов ближневосточного пространства – прежде всего, естественно, в арабских странах, вызывая в них смешанные чувства. Анализируя этот важный момент, известный эксперт В. ас-Самарани очень тонко замечает: персы вообще издревле шли по пятам арабов и завоевывали все, до чего дотягивались их руки и к чему слабел «арабский интерес» [Ас-Самарани В., 2010].

Сегодня Иран явно на подъеме и восхождение его стремительно. Кто будет этому противиться? Какое чувство в этих условиях испытывает арабский мир к Тегерану? Скорее, дружеское, если, конечно, не принимать в расчет желание саудовских правителей «отсечь голову иранской гадюке». Однако отношение и к правящей в Эр-Рияде династии тоже очень спорное. Несмотря на то что она носит священный титул «хранителей исламских святынь», былая сервильность по отношению к США, да и нынешняя зависимость саудитов от Вашингтона арабами не забывается! Поэтому брожение в арабском мире в конечном счете на руку Тегерану. История вообще подвигает его к каким-то неведомым доселе вершинам, поскольку, в отличие от расколотого и все более фрагментируемого арабского мира, с характерными для него искусственными (проведенными еще британцами) государственными границами, современный Иран, образующий ядро *Pax Persica*, является собой довольно-таки устойчивое образование. В этой связи В. ас-Самарани резюмирует: «Мощная нефтяная основа, религиозный фанатизм и вера в святость Исламской революции делают его несокрушимым. Во всяком случае, если мир, не без сожаления и горечи, все же признает упадок Америки, то об Иране говорят все, что угодно, но в немоющи и несостоятельности не уличают» [Ас-Самарани В., 2010].

Как же на все это смотрят США? Не имея возможности действовать в регионе, как это было раньше (при Дж. Буше-мл.), и выставляя теперь на первый план то Саудовскую Аравию (чего стоит, например, все-таки продавленный Эр-Риядом вариант расшире-

ния ССАГПЗ за счет Иордании и Марокко, а также ее весьма заинтересованное участие в беспорядках в Сирии!), то Турцию с ее прямым участием в арабских делах и вообще в выстраивании новой конфигурации сил на Ближнем и Среднем Востоке (с «захватом» даже Афганистана), Вашингтон теперь вроде бы «умывает руки»: он как бы ни при чем. На самом-то деле он как раз «при чем». Просто теперь Вашингтон намеревается действовать изобретательнее, более хитро. Не сказать, чтобы «арабская весна» оказалась для него как снег на голову. Вовсе нет. Во-первых, разного рода американские фонды, «мозговые тресты» и стоящие за некоторыми из них разведслужбы немало сделали для того, чтобы обосновать сами принципы распространения вируса этих «революций» и отработать соответствующий инструментарий в виде новомодных «твиттер-технологий» и использования социальных сетей (*Facebook* и др.), а во-вторых, получив отмашку Вашингтона, они принимали прямое участие в подготовке лидеров и команд арабских «неформалов»¹, понимая, что час многих тиранов настал... (причем делая это даже на своей территории). Но washingtonские стратеги все же пропустили начало этой «весны», как-то легковесно подошли к тому, что здесь подспудно зрею и к чему в итоге привело [см.: Овчинский В. Мистерии..., 2011; Пономарева Е., 2011; Engdahl W.F., 2011]. Уже потом, как бы вслед бегущему поезду попытались вскочить на его подножку.

События второй половины 2011 г. в Ливии, закончившиеся падением режима М. Каддафи, не утихающие беспорядки в Сирии и Йемене вновь показали миру характер ведения ими международных дел, далеко не сдавших в архив древностей свои испытанные средства: «тихую» и не очень... интервенцию, использование спецопераций с целью смены неугодных режимов и устранения потерявших доверие лидеров, «запуск» волн диффамаций, манипулирование общественным мнением и т.д. и т.п.

---

¹ Прекрасным примером здесь могут служить, например, египетские формирования «Движение 9 апреля» и «Кефайя» («Хватит!»). Всего же, по некоторым данным, в летних «лагерях демократии», организованных американцами, прошло интенсивное обучение 150 тыс. (!) молодых людей из Египта. И все они впоследствии стали участниками революции на улицах Каира и других египетских городов [см.: Асламова Д., 2011].

Все вышесказанное так или иначе показывает, что на «площадке» Ближнего и Среднего Востока в клинче сошлись непримиримые и достаточно сильные (конечно, каждый по-своему) соперники: США и Иран. Точнее сказать, они *асимметрично* сильные – один сильнее в одном, другой – в другом. А это значит, что они одновременно и слабые (опять-таки: кто – в чем!). Как результат: в целом зависшая ситуация. Она, естественно, имеет свою подспудную динамику, но внешне выглядит как патовая – как *равновесие противоположных тенденций, которые обусловлены действиями различных сил, вовлеченных в иранский кризис*. Но, как мы знаем, любое политическое равновесие – «вещь динамичная», оно всегда временное. Рано или поздно ситуация меняется. Она не может не меняться. Спрашивается: что же дальше?

5. Дальше многое будет зависеть как от характера дальнейших взаимоотношений США и Ирана, точнее говоря, взаимоотношений тандема «США – Израиль» и Ирана. Но не столько от них самих, сколько от соотношения сил между (условно говоря) «проамериканским» и «проиранским» лагерями. Если первый составляет комплекс в той или иной степени комплементарных отношений США и Израиля (вместе и порознь) с властями «Свободного Курдистана» (на севере Ирака), Саудовской Аравией, Иорданией, монархиями Персидского залива, а также (в меньшей степени Грузией и Азербайджаном) с вертикально замкнутыми на него отношениями, исходящими от ЕС и НАТО, то второй лагерь выглядит более сложным комплексом, причем в последнее время он слабеет. Его образуют два сегмента: «горизонтальный» – в виде комплементарных отношений Ирана с Сирией, «Хезболлой» в Ливане, ХАМАС в секторе Газа и исламистскими группировками на Синае, влиятельными проиранскими силами в Ираке, «Братьями-мусульманами» в Египте, Суданом и Эритреей, зейдитскими племенами хути на севере Йемена, с опорой Тегерана на такие «колонны поддержки», как значительные персидские диаспоры в регионе (300 тыс. человек только в Индии и столько же в странах Персидского залива) и шиитские общины практически во всех странах Ближнего и Среднего Востока (а это ни много ни мало 70% населения Бахрейна, более 60 – Ирака, 45 – Йемена, около 33 – Саудовской Аравии, 30% – Кувейта и т.д.); и «вертикальный» – в виде замкнутых на этот лагерь геополитических лучей, исходящих от

Китая, опирающегося на ШОС, и России с протоблоковой структурой в виде ОДКБ (но от Китая – в большей мере)¹. Кроме того, дальнейшее развитие событий вокруг Ирана будет зависеть и от позиции двух таких держав, как Индия и Турция. Преодолеет ли Индия при всей своей энергозависимости от Ирана ту негативную динамику, которая (не без участия США) наметилась во взаимоотношениях двух этих стран в последнее время, или нет? Выйдет ли Турция, внешне проводящая резкую антиизральскую кампанию, из-под влияния США, найдет ли Анкара со своим неоттоманизмом место *вне* американского проекта «Нового (Большого) Ближнего Востока» (все-таки сегодня по ряду позиций она находится в режиме позитивного взаимодействия с Тегераном)? От этого также в немалой степени будет зависеть расклад сил вокруг Ирана и его ЯП. И все же в конечном счете исход СИК будет зависеть от сдвига в балансе сил в треугольнике «Китай – США – Россия» при опоре Вашингтона на ресурсы НАТО и возможности ЕС.布鲁塞尔 при этом не выходит за рамки *подыгрывающей* (США) стороны, к тому же весьма ослаблен институциональным кризисом и системными неполадками в зоне евро.

Итак, на какие же варианты развязки СИК мы в принципе выходим? До недавнего времени (по крайней мере до наступления 2010 г.) можно было говорить о четырех вариантах дальнейшего развития событий. Если рассмотреть их в диапазоне «неприемлемый – предпочтительный» (в обоих случаях имеются в виду инте-

---

¹ Кстати сказать, Москва, которая давно и активно работает с Ираном в таких сферах, как ядерная энергетика, авиакосмическая отрасль, военно-техническое сотрудничество и морские транспортные коммуникации [см.: Российско-иранские экономические..., 2011], должна все же более серьезно подойти к своему позиционированию на этой «площадке», занять более четкую позицию в условиях эскалации международной напряженности вокруг ЯП Тегерана. К сожалению, как отмечает целый ряд экспертов, к реализации силового сценария вокруг Ирана Россия готова меньше, чем кто-либо из других крупных игроков в Евразии. Более того, как очень точно фиксирует ситуацию Д.Г. Евстафьев, оказывается, что Россия – это единственный подобного рода игрок, у которого вообще не просматривается повестка дня на случай пресловутого «что-то будет, если...» [см.: Евстафьев Д.Г., 2010, с. 127].

ресы международного мира и безопасности), то они выглядели следующим образом.

Вариант № 1 (абсолютно неприемлемый): СИК из фазы открытого, но невоенного противостояния по основной вертикальной оси «США – Иран» (с горизонтальной конфронтационной осью «Израиль – Иран») трансформируется в фазу военного противостояния этих акторов, что предполагает развязывание инициирующей стороной – США – прямых военных действий в отношении Ирана с вовлечением в них ряда государств Ближнего и Среднего Востока, а также тесно связанных с конфликтантами внeregиональных держав. Такой вариант, безусловно, имел бы катастрофические последствия и для самого региона, и для мира в целом. Здесь были возможны подварианты, а именно:

а) полномасштабное вторжение США на территорию Ирана с применением сухопутных войск (плюс к этому будут использованы силы и средства других видов или родов войск);

б) США могли ограничиться воздушными ударами по объектам нефтяной или газовой инфраструктуры Ирана, а также энергетическим объектам (например, по югославскому сценарию 1999 г.), добавив к ним операции спецназа «местного значения»;

в) возможно было комбинированное воздействие на «непокорный» Иран, предполагающее такую схему действий: Израиль наносит удары с воздуха (по типу того, что он однажды уже сделал, разбомбив в июне 1981 г. ядерный центр Ирака в г. Осирак с целью предотвратить появление у С. Хусейна ядерного потенциала, или по типу бомбардировки военного объекта в сирийском городе Дайр аз-Зор в сентябре 2007 г., где, по данным израильской разведки, с помощью КНДР строился ядерный реактор), США действуют с моря из акватории Персидского залива, а со стороны Афганистана силами НАТО осуществляется засылка в Иран групп спецназа для совершения диверсий;

г) наконец, мог быть избран сценарий, при котором США оказывались бы в тени, а главная роль отводилась Израилю, который в один прекрасный момент нанес бы по Ирану неожиданный удар с воздуха (прежде всего, разумеется, по ядерным объектам) [см.: Хомский Н., 2007, с. 397]; благодаря резкому потеплению азербайджано-израильских отношений есть отличная база для этого – Талышстан на юге Азербайджана, где израильтяне пытаются осно-

вательно закрепиться. США же лишь поддержат эту израильскую атаку, т.е. будут присутствовать на этом театре военных действий, но как бы «за кадром» – могут действовать силами диверсионных групп спецназа, активировать свою агентуру в проблемных для Тегерана регионах, проводить мощную «пиаркампанию» и т.д.¹

Вариант № 2 (неприемлемый): Иран не отказывается от продолжения своих работ в ядерной сфере, под разными предлогами «тянет время», имитирует переговоры с «шестеркой» и поддерживает не обременительные для себя контакты с МАГАТЭ. В этой ситуации на него могло бы оказываться все большее давление вплоть до применения самых жестоких санкций, и он в итоге оказался бы в полной международной изоляции. В таком случае у него не оставалось иной альтернативы, как свернуть свое сотрудничество с МАГАТЭ, выйти из ДНЯО и быть предоставленным самому себе. Это неизбежно повлекло бы за собой превращение Ирана в «страну-изгоя» со всеми вытекающими из этого последствиями как для Ближнего и Среднего Востока, так и для мира в целом. При этом фактическое «торпедирование» Ираном режима нераспространения ЯО только подстегнуло бы его в стремлении обзавестись собственным ЯО, а заодно с этим стало мощнейшим стимулом для большого числа «пороговых» и «предпороговых» государств к развитию собственных ядерных программ и приобретения ЯО. Мы уже не говорим о том, какую «свободу рук» получили бы разного рода террористические группировки, давно уже лелеющие мечту о том, как бы обзавестись такого рода ОМУ.

Вариант № 3 (вполне реалистический): патовая ситуация вокруг Ирана могла «разруливаться» в направлении усиления внимания к этой стране со стороны России, Китая и (возможно) Индии, которые еще более благосклонно отнеслись бы к ЯП этой страны и вообще поставили вопрос о переводе их нынешних взаимоотношений из режима обычного, но достаточно диверсифицированного сотрудничества в режим партнерства (возможно, даже

---

¹ Как сообщило несколько лет назад агентство ЮПИ (со ссылкой на ряд израильских газет, например издание «Маарив»), израильские самолеты уже отрабатывали дальние полеты с целью атаковать ядерные объекты Ирана, причем эти тренировки включали в себя такой сложный элемент, как дозаправка в воздухе [см.: Бараникас И., 2007, с. 11].

стратегического партнерства). В этом случае на Ближнем и Среднем Востоке произошел бы существенный сдвиг в пользу «российско-китайского» силового поля и, соответственно, усилился градус напряжения по всей линии соприкосновения его со своим евроатлантическим визави. Ключевым моментом тогда стало бы вступление Ирана в ШОС, где он и так уже является весьма заинтересованным наблюдателем. Это позволило бы Тегерану, во-первых, беспрепятственно, но играя по правилам, утвержденным Россией и Китаем, продолжить утверждение своей стратегии в Центральной Азии, а во-вторых, обеспечить возможность выбраться из международной изоляции, куда его загнали США [см.: Малышева Д.Б., 2007, с. 428]. Но в этом случае Тегерану пришлось бы выполнить одно непременное условие членства в этой организации: предоставить «шоссовцам» полную гарантию соблюдения им режима нераспространения (как известно, в ШОС это требование рассматривается как важнейший принцип обеспечения мира) и не оставить даже намека на милитаристский характер реализуемой им ЯП.

Вариант № 4 (предпочтительный для всех): международное сообщество и Иран идут навстречу друг другу: первое признает-таки за Тегераном его суверенное право на исследования и разработки в области мирного атома, Иран же идет на компромиссы, реальные уступки. Иначе говоря, речь идет о применении со стороны международного сообщества в отношении Ирана политики «вовлечения» (*engagement*) и стратегических компромиссов [см.: Булычев Г., Воронцов А., 2007, с. 21] – политики, на основе которой изыскиваются некие принципиально новые, нестандартные решения, втягивающие Иран в какие-то совместные (с другими государствами) проекты. Это могли бы быть проекты типа того, что в свое время предложила Тегерану Москва (тогда речь шла о создании международной сети ядерных центров по обогащению урана под контролем МАГАТЭ), или в духе небезызвестного проекта КЕДО, который предусматривал создание международного консорциума по развитию энергетики на Корейском полуострове, но в котором Москва, увы (причем по своей вине), не смогла принять действенного участия¹. Международное сообщество отменяет все наложенные на

---

¹ Стоит напомнить, что в тот период времени, когда формировался международный консорциум КЕДО, Москва избрала для себя не очень продуманную

эту страну в разные годы санкции. В этом случае ЯП Ирана начинает развиваться под контролем МАГАТЭ, которое становится гарантом мирного развития политики этого государства в ядерной сфере.

Такой (повторимся) ситуация представлялась нам до 2010 г. К концу зимы того же года обстановка вокруг Ирана несколько изменилась (если можно так сказать, несколько упростилась), поскольку обозначались три возможных варианта дальнейшего развития событий [см.: Федоров Ю., 2010, с. 136].

Вариант № 1: в качестве наиболее эффективной меры *ввести* так называемые *травмирующие или парализующие санкции* в отношении Ирана (например, прекратить поставки бензина в эту страну, которые обеспечивают до 40% всех его потребностей в этом виде топлива). Конечно, степень результативности этой меры до конца не была тогда ясна, но многие эксперты были склонны считать, что других более или менее эффективных мер (мер жесткого, но невоенного!) воздействия на официальный Тегеран нет.

Вариант № 2: военный разгром Ирана. Причем ясно, что при таком варианте развития событий дело вовсе не ограничилось бы уничтожением ядерных объектов этой страны и ракетных пусковых установок. Для того чтобы минимизировать опасность ответных действий Тегерана, необходимо было в кратчайшие сроки вывести из строя всю систему военного и политического управления и связи, разрушить ключевые компоненты вооруженных сил, а также ни в коем случае не допустить блокирования Персидского залива. Для этого потребовались бы массированные авиационные и ракетные удары, активные действия ВМС вблизи иранских берегов, возможно, точечные действия спецназа. Однако полной уверенности в успехе такого рода кампании у экспертов как не было, так и нет.

Вариант № 3: признать неизбежность ядерного вооружения Ирана, но попытаться при этом минимизировать наиболее опас-

---

тактику – не желая нести какое-либо финансовое бремя, она тем не менее предложила себя в роли главного поставщика реакторов на легкой воде для КНДР при условии, что международное сообщество оплатит все соответствующие расходы. Однако международное сообщество оказалось глухо к этому пожеланию Москвы. В результате, как известно, КЕДО был создан без участия России [см.: Воронцов А., 2007, с. 41].

ные последствия такого шага (по сути, отступления перед натиском Тегерана).

Эта «троица» сценариев продержалась недолго. В июне 2010 г. были введены жесткие санкции в отношении Ирана (первоначально СБ ООН, а затем и США, и ЕС) [см.: Кожанов Н.А.], т.е., по сути, реализован вариант № 1. Год спустя примеру США и ЕС последовал Израиль, введший в конце июня 2011 г. дополнительные экономические санкции против Ирана [см.: Израиль вводит дополнительные.., 2011].

После обнародования доклада Ю. Ямано ситуация кардинально не изменилась. И на сегодняшний день в повестке дня иранского кризиса для тандема «США – Израиль» и поддерживающей их Европы остаются те же три сценария. Два из них вполне определенные: а) жесткий – действовать исключительно силой, поставить-таки Иран на колени, нанеся ему военный удар, и б) мягкий – все-таки отступиться от этой страны, сдать позиции и признать в итоге свое поражение. Третий – не вполне определенный, а именно: использовать «оружие» санкций, постоянно их ужесточая. Иначе говоря, в отношении Ирана Запад по-прежнему стоит перед дилеммой: «бить или не бить!» И пока это похоже на дилемму «буриданова осла». Не рискуя пока идти на радикальное решение (в ту или иную сторону), оппоненты Тегерана вновь и вновь избирают *палиативное решение*, не меняющее ситуацию в принципе, а именно: используют против непокорных аятолл «оружие» санкций, двигаясь по линии их ужесточения.

Для Тегерана все это, конечно, неприятно, достаточно болезненно, но не смертельно. Он называет эти действия со стороны Запада ошибочными и заявляет, что намерен продолжать развитие своей ЯП. Однако Тегеран не ограничивается этим. По-своему он и отвечает. Так, например, реагируя на предшествующий пакет санкций со стороны Запада, он ввел против США и ЕС *свои* санкции, не преминув подчеркнуть при этом, что санкциям будут подвергнуты «26 американских политиков, виновных в нарушении прав человека по всему миру, включая Ирак и Афганистан, и поддерживающих терроризм» (эти слова одного из депутатов меджлиса ИРИ привело агентство *Reuters*) [см.: Иран ввел ответные санкции.., 2011]. Заодно с этим Тегеран оговорил с Пекином вопрос о возможности введения бартерной системы по обмену иранской

нефти на китайские товары и услуги, поскольку финансовые санкции, введенные США и ЕС, все-таки мешают Ирану нормально развиваться. Но они мешают и Китаю, поскольку блокируют возможность для Поднебесной расплачиваться с Ираном за поставляемое им «черное золото» живыми деньгами.

И все же в нынешней ситуации вокруг Ирана и его ЯП есть один новый нюанс. Пытаясь проигрывать возможные сценарии развязки СИК и отталкиваясь от «конкреметики» *сегодняшнего дня*, но реконструируя *всю* синхронную и многогранную картину событий вокруг Ирана и его ЯП, надо увидеть при этом *доминирующую тенденцию* в развитии интересующего нас явления, или тренд. В этом смысле после пробы сил на ливийском ТВД и уже не скрываемом желании полностью «обрушить» едва ли не самого надежного союзника Ирана в регионе – Сирию мы четко видим: *силовой сценарий* в отношении Ирана *начинает превалировать*. Иначе говоря, можно говорить о некотором сдвиге в том относительном балансе сил, который имел место до обнародования доклада Ю. Ямано, т.е. о нарушении динамического равновесия вокруг Ирана в пользу Запада.

Здесь, однако, стоит сделать уточнение: Иран все же – это не Ирак, который практически не сопротивлялся при вторжении. Иран будет и сопротивляться, и может дать весьма неприятный для Америки ответ. И в Вашингтоне прекрасно понимают, с кем они имеют дело, и (как могут) сдерживают агрессивные пополнения Израиля. И сегодня речь идет уже не только о ЯП Ирана. В 2009 г. эта страна вышла в космос, активно наращивает свои успехи в ракетной технике. По оценке военных экспертов, Иран или сам разработал, или получил доступ к технологиям проектирования, производства и запуска многоступенчатых баллистических ракет. В марте 2011 г. на выставке стратегических технологий в Тегеране иранские специалисты продемонстрировали верховному лидеру страны аятолле Али Хаменеи первую в мире беспилотную летающую тарелку *ZOAL* («Сатурн»), которая является, по сути, многопрофильным космическим аппаратом с вертикальным взлетом! Помимо этого, в случае наземного конфликта Иран готов в кратчайшие сроки развернуть многомиллионную армию из кадровых военных, спецслужб и вооруженных резервистов [см.: Овчинский В. Темные силы..., 2011]. Не надо, конечно, преувеличивать

военный потенциал Ирана и качество его военной организации вообще (все-таки с американскими параметрами их не сравнить!), но и преуменьшать их тоже не следует.

«Не будем также забывать, что за Ираном маячит тень Китая со своими серьезными интересами на данном направлении. На сегодняшний день это один из крупнейших торговых партнеров Ирана. Китай – лидер по объему капиталовложений в иранскую экономику среди иностранных инвесторов. Особенно активно Китай инвестирует в энергетический сектор этой страны (по некоторым данным, почти 40 млрд. долл.). Хотя в поставках иранской нефти в КНР в последние годы наблюдается некоторая аритмия, тем не менее Иран продолжает оставаться крупнейшим поставщиком углеводородов на китайский рынок [см.: Barnett Th.P.M., 2011]. Китай ежегодно закупает порядка 20% всей нефти, поставляемой Ираном на экспорт [Китай не поддержит санкции.., 2012]. Так что эта страна слишком важна для Китая, чтобы он бросил ее на произвол судьбы. Отсюда – и гарантии безопасности официальному Тегерану, о чем недвусмысленно заявляют власти Поднебесной. Поэтому помимо своей постоянно растущей военной мощи Поднебесная демонстрирует Западу и другие эффективные средства воздействия на него, в ряду которых, например, стремительное налаживание работы инвестиционных фондов для скупки активов в США и Западной Европе¹. Понятно, что прозаический интерес Пекина здесь очевиден – он пытается конвертировать свои немалые валютные запасы в реальную собственность, но важен и геостратегический план. Своими действиями Китай дает недвусмысленно понять, что переходит к глобальной экспансии, в рамках которой четко видит место своих партнеров и союзников (а Иран один из них).

Это ли не те отрезвляющие обстоятельства, с которыми официальный Вашингтон, хоть и скрепя сердце, вынужден считаться? Риск возможных потерь для США, включая асимметричные ответы Тегерана (в том числе и на территории самих США), чрезвычайно велик. Попутно заметим, что в этой ситуации впору бы подумать о своем будущем и Израилю, особенно в свете тех бурных событий, которые происходят сегодня на Ближнем Востоке и в странах Маг-

---

¹ Два таких фонда объемом 300 млрд. (!) долл. недавно были созданы в Китае.

риба, в условиях нарастания антиизраильских настроений во многих странах арабо-мусульманского мира и в Турции. Ведь на что уж лояльны к Израилю США, но даже в этой стране порой звучит раздражение теми политиками и военными в Тель-Авиве, которые стремятся любой ценой развязать военный конфликт с Ираном, а некоторые американские эксперты высказывают прогнозы, в которых крайне скептически оцениваются шансы Израиля выжить после 2020–2025 гг. Это вызывает бурную реакцию Тель-Авива и рождает личные обвинения в адрес Б. Обамы (как это было, например, в мае 2011 г., когда он заявил о необходимости проведения постоянных палестинских границ между Израилем, Иорданией и Египтом), поскольку явно или неявно подвергается сомнению будущность Израиля как государства.

Но не надо забывать, что в США есть силы, которым хочется испытать «режим аятолл» на прочность. У сторонников новой войны на Ближнем и Среднем Востоке есть и свои веские «аргументы»: куда-то надо выводить американские войска из Ирака и Афганистана (не выводя их при этом из региона) и чем-то их надо занять в «Великом Пятигорье»! Правда, задач у американцев на Ближнем и Среднем Востоке сегодня несколько: есть долгосрочная, а есть среднесрочные... Здесь стоит прислушаться к суждению российского эксперта в области энергобезопасности К. Симонова, который, говоря об этих задачах, подчеркивает следующее: «Долгосрочная – возможность получать серьезные объемы нефти и газа из Ирана. А среднесрочные схожи с иракской ситуацией. Только список их больше. Первая – дать еще один повод для роста нефтяных цен. Вторая – лишить Китай поставок нефти из одного из крупнейших экспортеров “черного золота” в Поднебесную. Третья – разрушить планы Индии по строительству газопровода для получения газа из Ирана. И наконец, четвертая – ударить по планам России создать “газовую ОПЕК” – организацию стран с крупнейшими газовыми запасами, которые могли бы получить контроль над мировым газовым рынком». И еще один важный момент, по К. Симонову: «США вовсе не интересует контроль над добычей углеводородов в Иране. Соединенным Штатам нужно совершенно другое – не допустить иранскую нефть в Китай, иранский газ в Индию, а также повысить стоимость углеводородов на мировом рынке. В этом плане США вовсе не нужно в ходе военной операции

установить контроль над Ираном – гораздо важнее просто дестабилизировать ситуацию в этом регионе» [см.: Симонов К., 2007, с. 133].

Не этим ли обстоятельством объясняется осторожность и тщательность, с которой США готовят свою операцию по «наказанию» Тегерана? Хотя понятно: «машина» запущена и слишком много Вашингтоном вложено в то, чтобы раз и навсегда разрешить иранскую проблему в выгодном для себя русле, и он едва ли остановится на полпути. Не будет он особенно считаться и с мировым общественным мнением. Ведь Иран и подобные ему державы – это «изгои» Мировой Системы, это один из элементов той «Неинтегрированной Бреши» (*Non-Integrating Gap*), о которой еще в 2003 г. интригующе и красочно писал американский военный аналитик Т. Барнетт [см.: Barnett Th.P.M., 2003]. А поступать с «Брешью» (как стратегически угрожающей Западу агрессивной средой) должно соответствующим образом, а именно: как минимум, ее сокращать, а еще лучше – просто ликвидировать. Кто этим должен заниматься? Естественно, сверхдержава, образующая сердцевину другого полюса – «Функционирующего Ядра» Мировой Системы (*Functioning Core*), олицетворяющего-де все лучшее и передовое, что есть в так называемой глобализации. Последнюю, правда, Т. Барнетт и подобные ему теоретики понимают исключительно как «принуждение-к-американизации» без предоставления «не-Западам» особого выбора. Поэтому на нее не очень позитивно реагируют не только представители «Неинтегрированной Бреши» (что, в общем-то, понятно), но неохотно идут даже некоторые представили так называемых приграничных государств, располагающихся между «передовиками» и «ретроградами». Таким образом, Ирану в любом случае уготована незавидная часть, с чем он, естественно, никак не смиряется, и будет делать все, чтобы противостоять американскому наступлению на свои интересы и геополитическому давлению на регион.

Литература

Абосзода Ф.Ф. Американцы и израильяне в Талыше: Несбытный сценарий для Карабаха // Нагорно-Карабахской Республике 20 лет: К годовщине провозглашения независимости / Сост. и ред. В.А. Захаров. – М.: Центриздан, 2011.

Арбатов А.Г. Иранский ядерный узел // Современная Европа. – М., 2007. – № 1 (янв. – март). – С. 24–36.

Арбатов А.Г. Введение // У ядерного порога: Уроки ядерных кризисов Северной Кореи и Ирана для режима нераспространения / Под ред. А.Г. Арбатова. – М.: РОССПЭН, 2007.

Асламова Д. После арабских революций Великий Израиль будет управлять Ближним Востоком? 16 июня 2011 г. – Режим доступа: <http://mymnenie.ru/politika/posle-arabskih-revoljucii-velikii-izrail-budet-upravljat-blizhnim-vostokom.html>

Ас-Самарани В. Упадок Америки. Восхождение Ирана. – Режим доступа: <http://rus.ruvr.ru/2010/12/17/37037681.html>

Ахтамзян И.А. Ядерный фактор во внешней и энергетической политике Ирана // Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ / Под ред. А.В. Мальгина, М.М. Наринского. – М.: Навона, 2005. – Вып. 2.

Бабич К. Иранский спутник успешно выведен на орбиту. – Режим доступа: http://www.trud.ru/article/16-06-2011/264237_iranskij_sputnik_us_peshno_vyveden_na_orbitu.html

Бараникас И. В Натанзе роют тоннели... // Московские новости. – М., 2007. – № 28 (20–26 июля).

Баронин А., Колпаков А. События на Ближнем Востоке и в Африке: Формирование Мирового Халифата? – Режим доступа: http://blackseafleet-21.com/news/26-02-2011_sobytiya-na-blizhnem-vostoke-i-v-afrike-formirovaniye-mirovogo-halifata

Бжезинский Зб. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. – М.: Международные отношения, 2005.

Булычев Г., Воронцов А. Северная Корея – опыт ядерного распространения // У ядерного порога: Уроки ядерных кризисов Северной Кореи и Ирана для режима нераспространения / Под ред. А. Арбатова. – М.: РОССПЭН, 2007.

Буш выступил перед конгрессом с ежегодным посланием «О положении страны». – Режим доступа: <http://www.newsru.com/world/30jan2002/polozhenie.html>

Воронцов А. Урегулирование ядерной проблемы Корейского полуострова по итогам 2007 года: Исторический прорыв или неустойчивое равновесие? // Аналитические записки. – М., 2007. – № 24 (дек.).

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М., 1991.

Делягин М. Крах европейской мечты // Завтра. – М., 2011. – № 24 (июнь).

Дериглазова Л. Парадокс асимметрии в международном конфликте. – Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/nineth/007.htm>

Дроздов Ю.И., Илларионов С.И. Россия и мир. Куда держим курс? – М., 2007.

Евстафьев Д.Г. Глазами консерватора: Запоздалое начало нового мирового беспорядка // Индекс безопасности. – М., 2010. – № 2. – Режим доступа: <http://www.pircenter.org/index.php?id=1248&news=5903>

За освобождение Белуджистана / Материал подготовил А. Кузнецов. 2011 г. – 26 января. – Режим доступа: <http://www.gumilev-center.ru/?p=351>

Задонский С.М. Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения. – М.: ИИИиБВ, 2002.

Ибрагимова Г. Обзоры мировых процессов: Итоги 2010 года // Индекс безопасности. – М., 2011. – № 1 (96). – Режим доступа: <http://pircenter.org/data/publications/sirus1-11/iSiReview.pdf>

Израиль вводит дополнительные санкции против Ирана. – Режим доступа: <http://rus.rurv.ru/2011/06/26/52419114.html>

Иран ввел ответные санкции против США. – Режим доступа: <http://www.km.ru/v-mire/2011/05/23/evrosoyuz/iran-vvel-otvetnye-sanktsii-protiv-ssha>

Иран готов к новому раунду переговоров по ядерной программе. 11 мая 2011 г. – Режим доступа: <http://www.casfactor.com/rus/bews/1650/print.html>

Иран стал первой исламской космической державой. 5 февраля 2009 г. – Режим доступа: <http://news.iran.ru/news/55694>

Исакова Е. МИД РФ: Серьезных поводов для озабоченности иранская ядерная программа сегодня не дает. – Режим доступа: <http://rus.ruver.ru/2010/12/17/37040261.html>

Китай не поддержит санкции США против нефтяного сектора Ирана. 11 января 2012 г. – Режим доступа: http://obozrevatel.com/abroad/24657-kitaj-ne-podderzhit-sanktsii-ssha-protiv-neftyanogo-sektora-irana.htm?utm_source=twitterfeed&utm_medium=twitter

Кожанов Н.А. Резолюция СБ ООН по иранской ядерной программе и возможные последствия ее принятия для ИРИ. – Режим доступа: <http://www.rodon.org/polit-1000615111218>

Куртов А. Каспийский саммит: Баланс достижений и потерь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fondsk.ru/news/2010/11/20/kaspisjksij-sammit-balans-dostizhenij-i-poter.html>

Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов: Подходы, решения, технологии. – М.: Аспект Пресс, 1997.

Лебедева М.М. Мировая политика: Учебник для вузов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2006.

Лохаузен Й.Г. фон. Война в Персидском заливе – война против Европы // Дугин А.Г. Основы geopolитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. – Изд. 4-е. – М.: АРКТОГЕЯ-центр, 2000.

Льюис Б. Последнее наступление ислама? – Режим доступа: <http://i-r-p.ru/page/stream-mark/index-16409.html>

Малащенко А.В. Исламская альтернатива и исламистский проект. – М.: Весь мир, 2006.

Малышева Д.Б. Перспективы расширенной Шанхайской организации сотрудничества // Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / Под рук. и с предисл. А.В. Торкунова; научн. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. – М.: МГИМО, 2007.

«Мы предлагаем миру спасение»: Беседа Александра Проханова с аятоллой Арафи // Завтра. – М., 2011. – № 8 (февр.).

Нугейред Н. Новые международные санкции направлены на иранскую нефть. – Режим доступа: <http://www.inopressa.ru/article/23Nov2011/lemonde/iran4.html>

О новых экономических санкциях США в отношении Ирана. – Режим доступа: http://badnews.org.ru/news/o_novykh_ekonomiceskikh_sankcijakh_ssha_v_otnoshenii_irana/2010-07-12-2105

Овчинский В. Мистерии арабских революций // Завтра. – М., 2011. – № 9 (март).

Овчинский В. «Темные силы», Иран и Обама // Завтра. – М., 2011. – № 21 (май).

Основные факты об Организации Объединенных Наций. – М.: Весь мир, 2005.

Острецов И. Третий звонок. О перспективах атомной энергетики // Завтра. – М., 2011. – № 12 (март).

Переговоры Ирана и «шестерки» в Стамбуле завершились ничем [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newsru.com/world/22jan2011/iran2.html>

Плеханов В. Миротворчество как тактическая уловка. «Переговоры ради переговоров» не могут продолжаться вечно // Содружество НГ. – М., 2001. – № 5 (30 мая).

Пономарева Е. Вирус революции и законы Токвиля. – Режим доступа: <http://www.fondsk.ru/news/2011/02/28/virus-revoljucii-i-zakony-tokvilja.html>

Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). – М.: ИИК «Российская газета», 2006.

Примаков Е.М. «Арабская весна» и теория столкновения цивилизаций // Российская газета. – М., 2011. – 27 июля.

Против Ирана введены новые санкции. – Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2011/11/111121_iran_new_sanctions.shtml

Российско-иранские экономические отношения выходят на уровень подлинно партнерских. 15 сентября 2011 г. – Режим доступа: http://www.oilcapital.ru/news/2011/09/151032_171675.shtml

Россия осудила доклад МАГАТЭ по Ирану как «предвзятый» и «непрофессиональный». 20 ноября 2011 г. – Режим доступа: <http://www.newsru.co.il/world/20nov2011/iaae456.html>

Рюриков Д. Призрак над Евразией. Заметки конфликтолога // Завтра. – М., 2010. – № 11 (март).

Сатановский Е. На пути к Большой войне. Возможные варианты ирано-израильского противостояния. 27 октября 2010 г. – Режим доступа: <http://www.wprr.ru/?p=1783>

Саудовская Аравия создаст ядерную бомбу вслед за Ираном. – Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2011/06/30/nukesa/>

Сафаров Р. Иран не взорвется изнутри. – Режим доступа: <http://rus.ruvr.ru/2010/12/06/36306647.html>

Сафранчук И. Ядерные и ракетные программы Ирана и безопасность России: Рамки российско-иранского сотрудничества // Научные записки ПИР-центра. – М. 1998. – № 8.

Симонов К. Глобальная энергетическая война. – М.: Алгоритм, 2007.

Снежанова Л.Н. Иран: Повестка дня и последствия для России. – Режим доступа: http://www.nirsi.ru/print_page/32020/

Сотников В. Проблема «исламской бомбы» в свете продвижения иранской ядерной программы // Ислам: Традиция и этика: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. – М., 2007.

Строкань С. Санкции против Ирана не имеют силы в России. Сергей Лавров отрицает ужесточение нового проекта резолюции СБ ООН // Коммерсантъ. – М., 2008. – 24 янв.

Суслов Д.В. «Иранский вопрос» в мировой политике ХХI века и его возможное решение // Иранский мир и Юг России: Прошлое и современные перспективы / Отв. ред. В.В. Черноус. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004.

США расширили санкции против Ирана. 14 декабря 2011 г. – Режим доступа: <http://sevua.com/novosti/5027/>

Текст выступления Президента Исламской Республики Иран Махмуда Ахмадинежада на Генеральной Ассамблее ООН в Нью-Йорке. – Ре-

жим доступа: http://www.intelros.ru/2007/03/21/print:page,1;text_vystuplenija_presidenta_islamskoj_respubliki_iran_makhmuda_akhmadinezhada_na_generalnojj_assamblee_oon_v_nuijorke.html

Торговля Турции с Ираном не противоречит санкциям. – Госдеп. 9 декабря 2010 г. – Режим доступа: <http://ru.trend.az/regions/met/turkey/1794838.jhtml>

Федоров Ю. Глазами либерала: Мировая политика как театр абсурда // Индекс безопасности. – М., 2010. – № 2.

Фельгенгауэр П. Не сырь уран Ирану. Лавировать между радикальным исламом и Западом Кремлю осталось недолго // Новое время. – М., 2006. – № 89.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. – М.: АСТ, 2003.

Химхиашвили П., Глинкин М. План Лаврова // Ведомости. – М., 2011. – 17 авг.

Хлопков А.В. Иранская ядерная программа в российско-американских отношениях // Научные записки ПИР-центра. – 2001. – № 18. – Режим доступа: <http://www.pircenter.org/data/publications/nz18.pdf>

Хлопков А. Ядерная программа Ирана – незаконченная история // У ядерного порога: Уроки ядерных кризисов Северной Кореи и Ирана для режима нераспространения / Под ред. А.Г. Арбатова. – М.: РОССПЭН, 2007.

Хомский Н. Гегемония или борьба за выживание: Стремление США к мировому господству / Пер. с англ. – М.: СТОЛИЦА-ПРИНТ, 2007.

Четверикова О. «Большой Ближний Восток» и «Великий Израиль» (I). – Режим доступа: <http://www.fondsk.ru/news/2011/09/19/bolshoj-blizhnij-vostok-i-velikij-izrail-i.html>

Четверикова О. «Большой Ближний Восток» и «Великий Израиль». – 2011 г. – 9 октября – Режим доступа: <http://oko-planet.su/first/81516-bolshoy-blizhnij-vostok-i-velikiy-izrail.html>

Четверикова О. «Великий Израиль» как религиозно-финансовый проект для всего человечества. – 2011 г. – 12 октября. – Режим доступа: <http://www.narodsobor.ru/events/analytcs/5131-olga-chetverikova-lvelikij-izrailr-kak-religiozno-finansovyj-proekt-dlya-vsego-chelovechestva>

Шустов А. Геополитические выражи Узбекистана. – Режим доступа: <http://www.fondsk.ru/pview/2011/02/20/geopoliticheskie-virazhi-uzbekistana.html>

Ядерные испытания в пустынях Ирана. – 2011 г. – 9 июня. – Режим доступа: <http://news.rambler.ru/1015201/>

Якубян В. Как долго Москва будет терпеть антироссийскую активность Бердымухамедова и Алиева. – 2011 г. – 19 января. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/fd-abroad/armenia/1365755.html>

Barnett Th.P.M. The Pentagon's new map. – 2003. – March 1. – Mode of access: http://www.esquire.com/features/ESQ0303-MAR_WARPRIMER?click=main_sr

Barnett Th.P.M. The New rules: Why the U.S. should 'give' Af-Pak to China. – 2011. – May 30. – Mode of access: <http://artocarpus-h.livejournal.com/11084.html>

Engdahl W.F. Printable version Egypt's revolution: Creative destruction for a Middle East? – 2011. – February 5. – Mode of access: <http://www.warandpeace.ru/en/exclusive/view/55187/>

Implementation of the NPT Safeguards Agreement and relevant provisions of Security Council resolutions in the Islamic Republic of Iran Report by the Director General IAEA Y. Amano. – 2011. – 8 November. – Mode of access: <http://www.atomic-energy.ru/documents/28475>

Iran's nuclear policy (peaceful, transparent, independent). Speech by: H.E. Reza Aghazadeh, Vice-President of the Islamic Republic of Iran, IAEA Headquarters. – Vienna, 2003. – May 6.

Haass R. The Reluctant sheriff. The United States after the Cold War. – N.Y.: Council on Foreign Relations, 1997.

Hersh S.M. The military's problem with the President's Iran policy // The New Yorker. – 2006. – July 10.

President addresses American Legion, Discusses Global War on Terror. – Mode of access: <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2006/02/print/20060224>

60 Ways the United Nations: Makes a difference. – Mode of access: <http://www.un.org/un60/60ways/>